Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Константин Симонов

Чужая тень

Чужая тень

Константин Михайлович Симонов

Аннотация
Константин Симонов. Чужая тень. Драма в четырех действиях, шести картинах
Действующие лица
Действие первое
  Картина первая
Действие второе
  Картина вторая
  Картина третья
Действие третье
  Картина четвертая
Действие четвертое
  Картина пятая
  Картина шестая

Аннотация

Главный герой пьесы — глава крупного бактериологического института, талантливый ученый Сергей Александрович Трубников. Посвятив свою жизнь исследованию опасных инфекционных болезней, он много раз рисковал жизнью, проверяя изобретенные препараты прежде всего на самом себе, так что поводов сомневаться в его мужестве нет. Но не устояв перед грехом тщеславия и не посовещавшись предварительно с коллегами по институту, Трубников посылает секретные разработки в Америку, в расчете на издание собственной книги за границей. Столкновение противоположных взглядов на соотношение гуманизма и науки, на то, стоит ли наука выше политических интересов и составляет основной конфликт пьесы.

Константин Симонов
Чужая тень
Драма в четырех действиях, шести картинах

Действующие лица

Сергей Александрович Трубников.
Ольга Александровна Трубникова.
Елена Сергеевна Трубникова.
Андрей Ильич Макеев.
Семен Никитич Саватеев.
Марья Трофимовна Саватеева.
Григорий Иванович Рыжов.
Федор Федорович Иванов.
Виктор Борисович Окунев.
Галина Петровна, его жена.
Секретарь Трубникова.

Место действия — большой университетский город.

Действие первое

Картина первая

Кабинет директора бактериологического института. Это большая комната в здании того типа, что строили в начале тридцатых годов: низкий потолок и громадное, почти в целую стену, окно. За окном виден серый кубический корпус, тоже постройки тридцатых годов, и угол нового строящегося дома. В кабинете довольно много мебели: шкаф, письменный стол с мягкими креслами возле него, длинный стол для заседаний, вокруг него жесткие кресла. В углу старый кожаный диван. В другом углу, позади письменного стола, несгораемый шкаф. На полу ковер. На стенах несколько грамот в массивных рамах и очень много фотографий, судя по сюжетам их, очевидно, демонстрирующих историю института. Выше фотографий, на той стене, где их особенно много, маленький плакатик с красиво выведенными цифрами: 1921–1946. Утро. Занавес открывается в ту минуту, когда директор института ***Сергей Александрович Трубников*** *встает из-за стола для заседаний, чтобы закончить ежедневное утреннее совещание с руководителями отделов института. Трубников*

— высокий, сильно седеющий мужчина, на вид лет пятидесяти, гладко выбритый и довольно коротко подстриженный, с приятным, энергичным лицом еще не собирающегося стареть человека.

Трубников. Ну что же, если вопросов нет, то все могут быть свободны, вернее могут быть заняты своими делами. Начнем еще один рабочий день. Григория Ивановича прошу остаться.

Все присутствующие — их шестеро — расходятся. Остается только ***Григорий Иванович Рыжов,*** *тридцатилетний человек, невысокий, подвижный, с рыжеватыми волосами и чуть тронутым оспой красивым лицом.*

Рыжов. Что, Сергей Александрович?

Трубников. Садитесь. Сегодня ночью я снова думал о нашем с вами опыте. У меня возникли сомнения.

Рыжов. В чем?

Трубников. В двух вещах. Во-первых, начинать ли пробу прививок прямо с чумы? И, во-вторых, начинать ли с вас?

Рыжов. Я тоже думал. И у меня нет сомнений. Начинать подобный опыт на человеке у нас в институте мы с вами имеем право только с меня, как с секретаря парторганизации, или с вас, как с директора. Целесообразнее с меня. Пусть лучше

эти десять дней карантина останется без меня мой отдел, чем без вас — институт. Относительно же чумы…

Трубников. Да, вот именно, относительно чумы, не вернее ли все же будет начать испытание наших прививок особо опасных инфекций по восходящей: сыпной тиф, туляремия и лишь в конце концов — ее величество чума. А?

Рыжов. Можно задать вам вопрос?

Трубников. Да.

Рыжов. Ваши ночные сомнения не касались принципов самого открытия?

Трубников. Нет, принципы непоколебимы, и успех несомненен!

Рыжов. Тогда, мне кажется, верней начать именно с чумы. Мы же с вами не можем каждый раз заражать себя самих и терять время на карантин. От этого пострадает работа. А когда я заражу себя чумой и благополучно останусь здоров, то мы получим после этого моральное право проверять менее опасные болезни на любом из желающих лаборантов. Кстати, партбюро получило уже шесть заявлений.

Трубников. Вы, как всегда, рассудительны и, как почти всегда, правы.

Рыжов. Ах, Сергей Александрович, какая там

рассудительность, когда наш институт на пороге такого открытия, которое рано или поздно, но в конце концов сделает десятки болезней безопасными *(дотрагивается до своего лица)*, как уже давно безопасна эта оспа! Я дрожу от волнения всякий раз, как только подумаю об этом!

Трубников. Этого, однако, не видно по вас.

Рыжов. Я сдерживаюсь. *(Пауза.)* Я пошел, мне пора начинать.

Трубников. Жаль, что вы решили приступить к опыту сегодня. Я хотел позвать вас на маленькое семейное торжество. Сегодня ночью приехала Лена.

Рыжов. Леночка?

Трубников. Вы, помнится, дружили с ней до войны?

Рыжов. Да. Теперь мне особенно жаль, что мы с вами не можем отложить опыт, если хотим, чтобы он закончился еще в этом году.

Трубников. Да, вы правы. Сегодня двадцать первое декабря…

Рыжов. А в десять утра тридцать первого я буду стоять здесь перед вами.

Трубников. А там и Новый год.

Рыжов. А там и Новый год. Ну…

Трубников. Погодите, мне все хочется еще что-

то сказать вам. Ведь все-таки…

Рыжов. Не надо, Сергей Александрович! Мне всегда нравилось ваше спокойствие накануне любых опытов. А я ведь ваш ученик. Ну…

Трубников *(протягивая ему руку).* Вы правы. Помните, что я абсолютно спокоен за препарат. Иначе я это сделал бы сам.

Рыжов. Я тоже не буду волноваться ни минуты.

Трубников *(улыбнувшись).* Будете сдерживаться?

Рыжов. Нет, просто не буду волноваться. До свидания.

Трубников. До свидания, Григорий Иванович.

Провожает его до двери. ***Рыжов*** *выходит. Трубников, взглянув на часы, садится за письменный стол и надевает очки. Стук в дверь.*

Да.

Входит ***Федор Федорович Иванов****. Мы его уже мельком видели в начале картины. Это среднего роста худощавый человек. У него очень коротко, под «бокс» подстриженные волосы, медного загара лицо и шея и быстрая, порывистая походка. На вид ему под пятьдесят. Поверх костюма он в расстегнутом медицинском халате.*

Иванов. Я на пять минут. Неотложное дело.

Трубников. Я к вашим услугам, Федор Федорович. Но, простите Бога ради, за одно замечание…

Иванов. Халат?

Трубников. Да. Я третий год покорнейше прошу товарищей профессоров подавать всем пример и не ходить в этот корпус в халатах. Не превращайте мой кабинет в лабораторию.

Иванов. Хорошо. Я постараюсь посещать ваш кабинет возможно реже. Кстати, он мне не нравится.

Трубников. Вот как! Чем же?

Иванов. Слишком большой письменный прибор на столе и слишком много ваших фотографий на стенах.

Трубников. Хорошо. Завтра я добавлю несколько ваших. Не демонстрируйте своего дурного характера, я с ним знаком уже двадцать шесть лет. К делу!

Иванов. Я вернулся известить вас о том, о чем не хотел говорить при всех. Вчера вечером после вашего ухода ко мне в отдел особо опасных инфекций явился профессор Окунев и, ссылаясь на ваше разрешение, просил показать ему методы изготовления препарата «С-Т».

Трубников. Ну?

Иванов. Я выставил его.

Трубников. То есть как выставили?

Иванов. То есть по форме — вежливо, а по существу — бесповоротно.

Трубников. С какой стати вы себе это позволили?

Иванов. А с какой стати это дутое медицинское светило лезет в секреты изготовления нашего препарата? Он нам не прямое начальство ни по ученой, ни по административной линии, а праздное любопытство я предпочитаю не поощрять.

Трубников. Вы не учли только одного: что он сослался на мое разрешение. Надеюсь, я имею право показать моему другу методы изготовления моего препарата?

Иванов. Между прочим, не «моего», а нашего, институтского.

Трубников. Между прочим, с тех пор как институт находится под моим руководством, я как-то никогда не отделял себя от него.

Иванов. Вернее, его от себя. Ох, как же вы любите, чтобы все к каждому слову прибавляли: «Под руководством Сергея Александровича»! И каждый опыт под вашим руководством, и каждую морскую свинку загубили под вашим руководством, и сидим, и дышим, и передвигаемся — все под вашим руководством! А вот у меня свои

мозги, и они находятся под моим собственным руководством, и, раскинув ими, я не пустил к себе в лабораторию этого верхогляда.

Трубников. Сегодня пустите.

Иванов. Письменное приказание от вас!

Трубников. Хорошо. Получите. Что еще?

Иванов. Ничего, выполню. Но имейте в виду: одновременно сообщу об этом в партком как о ненужной и вредной вещи.

Трубников *(улыбнувшись).* Можете передать через меня.

Иванов. Ваша ирония неуместна. Вы в партии еще не так давно, а передо мной там тоже двери не закрыты.

Трубников. Я пошутил.

Иванов. А я нет…

Трубников *(улыбнувшись).* Вы прямо, как князь Святослав, который заранее объявлял хазарам: «Иду на вы».

Ольга Александровна *(приотворяя дверь).* Можно?

Трубников. Входи.

Входят ***Ольга Александровна*** *и* ***Лена.*** *Ольге Александровне сорок лет. Это красивая женщина со спокойным лицом, очень внимательными глазами и гладко зачесанными назад и собран-*

ными в большой пучок волосами. В ее голосе и движениях есть того рода покоряющее природное спокойствие, которое не имеет ничего общего со спокойствием нервного, но умеющего держать себя в руках человека. Мы ее, как и Иванова, видели уже в начале картины. Лена моложе ее на пятнадцать лет и чем-то очень похожа на нее, пожалуй, больше повадками, чем лицом, — ровной походкой, привычкой часто приглаживать и без того гладкие волосы. Лена одета в сапоги, юбку и гимнастерку с узкими погонами капитана медицинской службы. Одежда эта идет к ней.

Трубников. Ах, вот как! Вы даже вдвоем.

Лена *(подойдя к нему, целует его).* Можно еще?

Трубников. Пока не надоест.

Лена. После четырех лет перерыва — это будет не скоро. *(Снова целует его.)* Федор Федорович, а вас можно?

Иванов. Так и быть. *(Лена целует его.)*

Трубников *(Иванову).* Вы удивительно сговорчивы. Я просто не узнаю вас.

Лена. А что, у Федора Федоровича все такой же дурной характер?

Трубников. Не сказал бы.

Иванов. Сергей Александрович хочет сказать, что с годами мой характер стал еще хуже.

Трубников. Да, но, несмотря на это, ему уже четверть века никак не удается со мной окончательно поссориться.

Лена. А я думала, что после победы вы подобреете и расцветете.

Иванов. Я добр от природы. А что касается цветения, то, очевидно, я столетник, цвету раз в сто лет. Разрешите откланяться. Меня ждут мои микробы.

Лена *(поймав его за пиджак).* Нет, сначала скажите, вы помните меня или нет?

Иванов. Приблизительно.

Лена *(показывая рукой).* А такой?

Иванов. Помню.

Лена *(опуская руку еще ниже).* А такой? Помните вот такой, еще совсем девочкой? Я была с вами в экспедиции на Иссык-Куле! И было жарко, и тетя Оля возмутилась, что все мужчины ходят в одних трусах, а вы после этого вышли к обеду с опозданием, в трусах с проглаженной складкой, но в крахмальном воротничке и галстуке. Помните?

Иванов. Начинаю забывать. По милости вашего родителя, который уже третий год не пускает меня в экспедиции. Он превратил меня из охотника за микробами в шеф-повара на своей дьявольской кухне.

Трубников. Можно подумать, что он действительно стоит в колпаке у плиты. У него теперь одних лаборантов пятнадцать!

Иванов. Это не меняет дела. Я только и занят тем, что день и ночь варю и выращиваю ему микробов для его бесконечных опытов. Хоть бы они скорей кончились!

Трубников. И что дальше?

Иванов. А дальше я, наконец, опять уеду в свои пески и пустыни и буду ежедневно вместо вас видеть сусликов и песчанок, что для меня несравненно приятнее.

Трубников. Не выйдет. Когда я закончу свой последний опыт, ваши суслики и песчанки с их чумными микробами станут безопасными, как кузнечики, и вам незачем будет скитаться по вашим обожаемым пустыням.

Иванов *(Лене).* Если бы ваш отец с каждым годом не подходил все ближе к замечательному, на мой взгляд, открытию, я бы давно ушел от него, потому что, к сожалению, с каждым годом люблю его все меньше. *(Выходит и тотчас же снова приотворяет дверь.)* Имейте в виду: только по письменному распоряжению. *(Скрывается.)*

Ольга Александровна. О чем это он?

Трубников. Да тут с посещением Окунева…

Обычные его заскоки… *(Обняв за плечи Ольгу Александровну и Лену.)* Ну, милые мои, наконец-то опять все вместе, а? *(Лене.)* Почему ты в военном?

Лена. Мне захотелось в первый раз после войны прийти сюда, откуда я уходила на войну, вот так, в военном. Один раз в военном, а потом уже все равно. Тетя Оля, ты понимаешь это?

Ольга Александровна. Я никогда не была военной.

Лена. Ну просто как женщина.

Ольга Александровна. Как женщина понимаю: тебе это идет!

Лена. Я даже не заметила, как уснула вчера.

Трубников. Как сурок, в два счета.

Ольга Александровна. Отец поднял тебя с дивана и на руках отнес в спальню.

Лена. Правда? Значит, ты все еще такой же сильный?

Ольга Александровна. Все по-старому: каждое утро гимнастика, каждое воскресенье на весь день уходит с Федором Федоровичем на лыжах.

Лена. Ходите весь день на лыжах и бранитесь?

Трубников. На лыжах — нет: на лоне природы он смягчается.

Лена. По-моему, раньше он был добрее.

Трубников. Раньше он был моложе. А сейчас нам с ним по пятьдесят четыре, а он хотя уже и профессор, но, в сущности, все еще только превосходный, но ординарный исполнитель моих идей. Ему начинает казаться, что жизнь, такая, какой она была задумана, не удалась. А это портит характер.

Ольга Александровна. Потому, что ты не стесняешься и постоянно даешь ему это чувствовать.

Трубников. Ну, конечно, если бы он работал в твоем отделе, то при помощи твоих реверансов всем, вплоть до уборщиц, — «наш отдел, наш опыт, наша идея, наш успех», — ты бы ему позолотила пилюлю.

Ольга Александровна. Я никому не золочу пилюль. Я просто считаю…

Трубников. Оставим этот спор, он утомительно повторяется.

Лена. Вот как! Вы стали спорить? Это новость.

Трубников. О, у нас новостей хоть отбавляй! В особенности с тех пор, как Ольга Александровна стала молодым кандидатом партии…

Ольга Александровна. Не смей говорить об этом в ироническом тоне!

Трубников. Какая уж тут ирония! Я говорю об этом с трепетом. *(Лене.)* Твоя тетка недавно

публично «проработала» меня на партийном собрании.

Лена. И ты, я вижу, сердишься?

Трубников. Нет, я просто считаю, что значительно проще было бы обменяться нам с ней мнениями дома, за утренним чаем.

Лена. Пока что сегодня я пила чай одна, вы оба уже удрали в институт. Честно говоря, могли бы разбудить или подождать. Все-таки я не была дома четыре года.

Трубников. Ничего не поделаешь! Привычка — вторая натура. Двадцать лет каждый день в десять я здесь, за этим столом.

Лена. Не считая трех лет эвакуации.

Трубников. Почему? Только другой город, другая комната и другой стол. Я оставался самим собой. *(Телефонный звонок. Снимает трубку.)* Да. Здравствуйте, Виктор Борисович! Вы внизу?.. Нет, не раздевайтесь, я сам спущусь. Мы пойдем в лабораторию, это надо через двор. *(Кладет трубку.)* Приехал Окунев. Я похожу с ним по институту и вернусь. Вы будете здесь?

Ольга Александровна. Если ты недолго. В одиннадцать у меня будут готовы свинки для прививок, тогда я уведу Лену к себе.

Трубников. Ну, если не дождетесь, то до обеда.

(Выходит.)

Лена *(садясь за письменный стол).* Вот здесь он сидит и работает… Все, как раньше: нож для бумаги прямо, закладки слева, карандаши справа… Что это? Очки? Разве он их носит?

Ольга Александровна. Только когда работает.

Лена. Все равно. Бедный папа, он всегда так гордился своими глазами охотника!..

Ольга Александровна. Он удивительно много работал эти годы.

Лена. А ты, как всегда, — только о его работе и ничего о своей, ничего о себе.

Ольга Александровна. А что мне сказать о себе, кроме того, что я двадцать шесть лет рядом с ним!

Лена. Старая песня! Двадцать шесть лет назад ты была четырнадцатилетней девочкой, которая мыла ему пробирки. А теперь ты его заместитель по научной части.

Ольга Александровна. Вот к этому я как раз еще и не привыкла.

Лена. За три года?

Ольга Александровна. Да. Когда ему намекнули, что неудобно одному занимать две должности, он, не колеблясь, оставил за собой директорскую, а заместителем по научной части провел меня,

просто для того, чтобы ему не назначили кого-нибудь другого. По существу, я заведую своим отделом — и все. Когда же надо представлять институт в целом, он все берет на себя.

Лена. А ты для него по-прежнему только девочка, которая моет ему пробирки?

Ольга Александровна. Нам с ним уже поздно ссориться. Я привыкла к нему ровно настолько, чтобы все замечать и уже ни на что не сердиться.

Лена. А я, кажется, отвыкла настолько, чтобы и замечать, и сердиться. Я буду работать здесь у вас и ссориться с вами. *(Пауза.)* Если бы ты знала, как я соскучилась по этому неуютному, милому дому с его длинными окнами, нудными коридорами и запахом вареных микробов! Как часто я вспоминала о нем в армии!

Ольга Александровна. Значит, врачебная практика не выветрила из тебя фамильной страсти к микробиологии?

Лена. Нет. Чем больше я лечила болезней, тем больше мне хотелось, чтобы их вообще не было.

Ольга Александровна. Кажется, мы наконец близки к этому.

Лена. К тому, что не будет болезней?

Ольга Александровна. Нет. Пока хотя бы к

тому, что многие из них будут практически не страшны после наших прививок. Наш институт на пороге большого открытия. То есть, вернее, оно в принципе уже наметилось, и нам осталось только поочередно подтверждать его на разных болезнях. На это уйдут, конечно, еще годы и годы, но…

Лена. Ты не писала мне.

Ольга Александровна. Я писала тебе, что мы работаем. Что же еще писать, пока все не кончено? Ты помнишь, как отец еще лет десять назад выдвинул предположение, что должен существовать один общий метод, по которому можно почти безгранично изменять заразную силу любых микробов, ослаблять и усиливать, гонять ее, как ртуть в термометре, и вниз и вверх от нуля.

Лена. Я прекрасно помню, но на моей памяти все это оставалось еще только теорией…

Ольга Александровна. Первое подтверждение мы получили три года назад. Пользуясь одним и тем же общим методом, мы добились громадного усиления заразности самых разных микробов.

Лена. Да, но что это вам дало? Чтобы получить прививки, нужно же, наоборот, громадное ослабление заразности микробов. Или я в своих госпиталях совершенно все перезабыла?

Ольга Александровна. Перезабыла. Здесь важен общий принцип. Раз мы сумели поднять ртуть вверх, рано или поздно мы должны были научиться сбрасывать ее вниз. Год назад мы ослабили заразность первого микроба, полгода назад — второго, шесть недель назад — третьего. Наш метод еще нуждается в поправках: то тут, то там он еще дает осечки. Но одно несомненно: это уже метод. Скоро мы уже не будем, как раньше, десятками лет бродить наугад, в потемках, чтобы, наконец, раз в полстолетие найти одну, вполне надежную прививку. У нас будет в руках метод, при помощи которого мы рано или поздно обезопасим все болезни. Ты смело можешь гордиться своим отцом, несмотря на его скверный характер.

Лена. С чего вы начали?

Ольга Александровна. С самого тяжелого, с чумы. И сейчас, после тысячи опытов на животных, мы неделю назад приняли на ученом совете решение, что имеем право испытать это на человеке, сделать ему нашу прививку, а вслед за этим заразить его чумой.

Лена. И все-таки это страшно!

Ольга Александровна. И все-таки через это надо перешагнуть!

Лена. А скажи, пожалуйста…

Трубников *(входя и придерживая за собой дверь).* Прошу сюда!

Вслед за ним входит ***Виктор Борисович Окунев****, видный сорокапятилетний человек, очень уверенно держащийся. Он близорук, но не носит очков, и от этого у него привычка щурить глаза, отчего лицо его часто принимает насмешливое выражение.*

Окунев. Здравствуйте, Ольга Александровна! Богатой быть: я вас в первую секунду не узнал.

Ольга Александровна. Не мудрено. Вы меня не видели двадцать лет.

Окунев. Девятнадцать. *(Внимательно разглядывает ее.)* Вот вы какая стали! Живете затворницей, в Москву ни ногой. Летом приезжал сюда, а вы в отпуск укатили. Где же вас увидишь?

Трубников *(беря за локоть Лену).* Познакомьтесь, Виктор Борисович, моя дочь!

Окунев. Очень приятно. То есть что приятно? Не только вас видеть, но и то, что вы так похожи на Ольгу Александровну в юности, когда я был в здешнем университете студентом четвертого курса, а она только еще поступала на первый. Да, да, представьте себе, этот немолодой грузный мужчина был когда-то студентом четвертого

курса. Странно, но так. *(Ольге Александровне.)* Вспоминаете молодые годы?

Ольга Александровна. Нет. Вспоминать молодые годы — это привилегия старости. А я пока еще ее не чувствую.

Окунев. Женщина, женщина! Прежде всего женщина!

Ольга Александровна. Конечно. А как бы вы думали?

Окунев. Я вас спросил, как ученого, вспоминаете ли вы наши студенческие годы?

Ольга Александровна. А вы в следующий раз предупреждайте, что спрашиваете меня как ученого. Как ученый вспоминаю.

Окунев *(глядя на Лену).* Как похожа! Молодой врач? Демобилизовались?

Лена. Да.

Окунев. Где будете устраиваться? Здесь или в Москве? Если в Москве *(Трубникову),* все, что в моей власти…

Лена. Нет, я здесь, в институте. Меня ведь только война на время сделала практикующим врачом.

Ольга Александровна *(взглянув на часы).* Увы, мне пора в лабораторию. *(Окуневу.)* Может быть, пообедаем у нас дома?

Окунев. Спасибо большое, но уезжаю сегодня с семичасовым. Дела! Пять должностей! Целых. Не считая половинок.

Ольга Александровна. По какой же из пяти вы пожаловали к нам?

Окунев. На этот раз по службе в ученом совете. То есть по службе-то, собственно, только в университете, а к вам, честно говоря, просто из любопытства, ну, и, конечно, из-за желания повидать вас обоих, Сергей Александрович свидетель: вчера я рвался увидеть вас!

Ольга Александровна. Я работала в боксе с прививкой особо опасных инфекций. Если бы вас пустили ко мне туда, вам пришлось бы десять дней не выезжать из города, что вас едва ли бы устроило.

Окунев. Да, да, вспоминаю эти правила. Их, помнится, ввели после одного печального происшествия.

Трубников. Совершенно верно. Тогда раз и навсегда решили, что в случае заражения кого-нибудь из нас — круг опасности должен быть замкнут в одном городе.

Окунев. И у вас, бедняг, после каждого лабораторного опыта десять дней, утром и вечером, градусник подмышкой и ни шагу из города? На-

доедает?

Трубников. Иногда. Особенно когда москвичи забывают об особенностях нашей работы и присылают тебе вызов на какой-нибудь съезд или конференцию за два дня до начала. А ты только что «оскоромился» своими микробами и не можешь выехать раньше чем через неделю.

Ольга Александровна. Ну, я все-таки двинулась, а то Марья Трофимовна будет распекать меня за опоздание.

Окунев. Кто это Марья Трофимовна?

Ольга Александровна. Моя лаборантка.

Окунев. Строгая?

Ольга Александровна. Очень. Уже девятнадцать лет держит меня в страхе Божием. До свидания.

Окунев. Всего доброго.

Ольга Александровна *и* ***Лена*** *выходят. Трубников жестом приглашает Окунева занять одно из мягких кресел у стола и сам опускается в другое. Оба с минуту молчат.*

Ну что ж, теперь о главном?

Трубников. Давайте о главном.

Окунев. Письма американцев, что я вам дал вчера, прочли?

Трубников. Прочел — и, не скрою от вас, удив-

лен и огорчен.

Окунев. Прежде чем говорить об их мнениях, я вам скажу свое: даже та небольшая часть работы, которую я видел, поразительна.

Трубников. Я показал бы вам абсолютно все, если бы не этот сумасшедший Иванов…

Окунев *(прерывая его).* Неужели вы еще способны сердиться на нашего милейшего Федора Федоровича? Он был абсолютно таким же двадцать лет назад. Он и тогда таскал свои пробирки в жилетных карманах, чтобы — не дай Бог — кто-нибудь не заглянул в них.

Трубников. Все равно, если бы вы сами не воспротивились…

Окунев. Ну конечно же, я воспротивился. Зачем мне это, когда я и так вижу, что ваши дела идут превосходно! Ну-с, а теперь об американцах. Письма, я вижу, вас расстроили. Что ж они пишут?

Трубников. Собственно, пишет Мюррей. Лансгарт только добавляет, что он вполне согласен с Мюрреем.

Окунев. А что пишет Мюррей?

Трубников. Он пишет, что они в восторге от моей рукописи, которую вы им привезли, и все четыре месяца, что вы там были, они, используя

свои лучшие в мире лаборатории, пытались практически пойти по тому принципиальному пути, который я наметил в своей книге. Он пишет, что вначале этот путь не вызывал у них ни малейших сомнений и, работая у себя в идеальных условиях, они были убеждены, что я сделал величайшее открытие и что не только он, Мюррей, но и великий старик Гарли, «грэт олд Гарли», — так он выражается, — готовы были признать мой полный приоритет, но…

Окунев. «Идеальные условия», «лучшие в мире лаборатории», «великий старик» — весь классический набор американского хвастовства!

Трубников. Почему «хвастовства»? Гарли действительно велик — этого у него не отнимешь, а лаборатории, судя по тому, что они сами о них пишут, действительно лучшие в мире. Но дело не в этом, а в том, что дальше Мюррей вкратце излагает, как они шли по моему пути. И вот здесь начинается самое удивительное.

Окунев. А что именно удивительно?

Трубников. Удивительно то, что они пошли не только по нелепому пути, но и по пути, никак не вытекающему из принципиальных выводов моей книги. То есть никак не вытекающему!

Окунев. Что же дальше?

Трубников. Дальше? Дальше у них, естественно, ничего не вышло, и в письме следует заключительный абзац, от которого я чуть не подпрыгнул до потолка.

Окунев. Что в нем?

Трубников. В нем он говорит, что так как абсолютно исключено, что, следуя верному методу, они в своих лабораториях не могли бы добиться успешного результата, они, — тут он говорит и за себя и за Гарли, который болен, от которого он только передает привет, — они пришли к выводу, что, очевидно, я неправ в предпосылках. Что мое, как они выражаются, «великое открытие», — за которое, если бы оно действительно было открытием, мне следует Нобелевская премия, — пока не более чем «великое предположение». Ну, а дальше — поклон, еще раз воспоминания о незабвенных довоенных встречах в Гааге и в Лондоне. И, наконец, постскриптум… где он пишет, что все-таки их гложут дьявольские сомнения и до конца разрешить их могу только я.

Окунев. Каким образом?

Трубников. Если они все-таки неправы и я совершил чудо, то не дам ли я им его пощупать руками?

Окунев. Что же они просят?

Трубников. Я думаю, что в данном случае «пощупать руками» — это значит прочесть практическую технологию моего метода.

Окунев. Именно тот самый постскриптум, который мне в Нью-Йорке был высказан устно.

Трубников *(расхаживая по комнате).* Все это как-то неприятно, глупо и даже, я бы сказал, унизительно. Вдобавок Лансгарт в своем письме пишет, что английский язык моего автоперевода превосходен и его пришлось редактировать лишь в нескольких местах, но что книга, уже набранная, лежит без движения в ожидании моего ответа, ибо он согласен с Мюрреем и Гарли и не хотел бы поставить меня в неловкое положение, преждевременно издав мои «великие предположения». Опять эти «великие предположения», черт бы их взял! А Гарли вообще ограничился приветом и не удосужился сам написать.

Окунев. Ну, он стар и в самом деле был болен, когда я уезжал.

Трубников. Все равно написал бы, если бы действительно понял, что я сделал. Нет, они разочарованы, это совершенно ясно. Но я просто не понимаю, как на таких ученых могла напасть такая куриная слепота! И это с их лабораториями, с их американскими возможностями… Ничего

не понимаю.

Окунев. Как вы думаете им отвечать?

Трубников. Не знаю. И, думая об этом, бросаюсь из крайности в крайность: то хочется послать их к черту за это глупое недоверие, то хочется немедленно же заставить их поверить, тем более что я могу это сделать в два счета.

Окунев. А может, действительно послать их к черту? Напишите ироническое письмо Лансгарту, что вы не хотите разрушать его сомнений и просите с ближайшей почтой вернуть вам рукопись книги. И дело с концом!

Трубников. Это было бы просто, но глупо: мы же не на базаре поссорились. Нельзя посылать к черту мировую науку. Мюррей и Гарли и тот же Лансгарт — это все-таки мировая наука. А наука в конце концов неделима, в особенности такая, как наша, спасающая человечество от болезней. Было бы глупо с моей стороны перед лицом этой науки строить из себя обидчивого провинциала… Нет, я должен их убедить! Это единственно правильный путь. С точки зрения науки, во всяком случае. В этом и есть, если хотите знать, патриотизм: доказать всей великой мировой науке, что пусть мы не гарли, пусть даже не мюрреи, но что и мы, русские, все-таки тоже чего-то стоим!..

Окунев. Ну, не скромничайте. Когда ваш метод станет всемирно признанным, это сразу на целую голову поднимет нашу микробиологию в глазах всего мира! В конце концов именно это соображение и заставило меня отвезти вашу рукопись. Когда я в мою первую поездку в Америку увидел, как у Мюррея вырезаны и переплетены в одну тетрадь все разрозненные этюды вашей работы, которые вы за десять лет напечатали, когда я услышал, как и он и Гарли говорили о вас и как они мечтали познакомиться с вашей работой целиком, я со спокойной совестью передал вам эти просьбы. Я считаю, что авторитеты нашей науки, если во всем мире сразу станет известна эта книга, настолько возрастут, что это соображение гораздо выше мелких соображений престижа: на каком языке она сначала выйдет, на русском или на английском.

Трубников. Виктор Борисович, ну, как вы думаете, что делать?

Окунев. Ну уж, дорогой мой, это вам самим решать! Я в данном случае только ваш друг и почтальон.

Трубников. Конечно, можно все оставить так и плюнуть, но обиднее всего будет, если американцы в конце концов через год или два

самостоятельно откроют этот метод и, едва только ухватив идею за хвост, как всегда, первыми раструбят об этом на весь мир. А я потеряю свой приоритет. Мировой приоритет! А потом иди доказывай!

Окунев. Да, это было бы обидно.

Трубников. В особенности когда речь идет о моем действительно интернациональном открытии, спасающем человечество от болезней. От болезней! Поверьте, что я думаю сейчас не о себе!

Окунев *(улыбнувшись).* Ну, немножко и о себе.

Трубников. Что? *(После молчания.)* Да, если хотите, немножко и о себе. Если быть с вами совершенно откровенным, как с другом, то мне шестой десяток, и мне хочется немножко больше славы, чем я пока имею. Я говорю о научной славе, и в конце концов мне все равно, откуда бы она ни пришла — отсюда или оттуда. А книга, вышедшая там, — это все-таки книга, вышедшая там, это мировое признание. Немудрено, что их письма меня расстроили.

Окунев. Да, я забыл вам сказать. В Москве сейчас ассистент Мюррея — Эрвин. Он просил передать вам большой привет от Гарли и Мюррея, они огорчены, что от вас нет ответа.

Трубников. Помилуйте, откуда же ответ, когда вы мне вчера только привезли их письма?

Окунев. Сергей Александрович, вы в Москву не ездили, я здесь не был, а почтой посылать — еще пропали бы! Уж не гневайтесь!

Трубников. Да нет, что вы! Я благодарен вам. А чего ради приехал Эрвин?

Окунев. В составе очередной их делегации. Мне в Москве вечно приходится с ними возиться.

Трубников *(после молчания).* Конечно, если бы я мог решать только как ученый, откинув все прочие соображения, я бы послал сейчас же, с этим же Эрвином, раз он в Москве, Мюррею и Гарли технологию моих опытов, которая не оставила бы у них никаких сомнений. Послал бы просто как ученый ученым, как человек, стремящийся спасти человечество от болезней здесь, людям, стремящимся сделать это там. Не Трумэну же в конце концов я послал бы, а Гарли! Но тут есть два «но».

Окунев. Какие?

Трубников. Во-первых, технология у меня в двух частях, и вторая часть хотя уже написана, но не подтверждена еще опытом до конца, то есть, строго говоря, не закончена. Ну, а во-вторых, сейчас у нас начало становиться модным

делать из всего секреты. Хотя, конечно, с позиций настоящего гуманизма глупо говорить о секрете производства прививок против болезней. Две части… Знаете, а что если послать Мюррею только первую часть технологии?

Окунев. Что в ней?

Трубников. Техническая разработка моего метода в части усиления заразности микробов — то, с чего я начал. В принципе она абсолютно доказывает правильность самого метода и в то же время без второй части, где практически разработано получение микробов с ослабленной заразностью, то есть получение уже препарата для прививок, — без этой второй части первая, так сказать, не выдает секрета производства. Меня ни в чем не смогут упрекнуть даже наши новоявленные любители научной конспирации. Понимаете?

Окунев. Вам хочется, чтобы я сказал «да» и взял бы эту первую часть технологии, ваши письма Мюррею и Гарли и отдал бы все это Эрвину в Москве, — так, что ли?

Трубников. Если вы не сомневаетесь в том, что я прав.

Окунев. Да, мне кажется, что вы правы. Но только кажется. Сделаем лучше так: давайте мне

эту вашу первую часть технологии, давайте письмо Мюррею и Гарли. Я приеду в Москву и, прежде чем передать Эрвину, все-таки посоветуюсь. Скажут, что мы с вами правы, — отдам. Скажут нет — верну вам.

Трубников. А с кем вы посоветуетесь?

Окунев. Ну, уж это я найду, с кем посоветоваться в Москве!

Трубников. Хорошо.

Окунев. Она большая?

Трубников. Первая часть? Сто страниц. *(Подходит к несгораемому шкафу, открывает его, вынимает оттуда папку с рукописью.)* Вот она!

Окунев *(перелистывает).* Напечатано чистенько, а папка неважная. Ладно, переменю.

Трубников. На русском. Ну, ничего. Я в письме извинюсь перед Гарли, что не успел сам перевести на английский.

Окунев. Еще чего! Извиняться перед ними! И на русском съедят.

Передвигает к себе по столу портфель, кладет в него рукопись и застегивает ремешки.

Трубников. Как же нам быть с письмами? Может быть, пока я напишу…

Окунев. Нет, дорогой мой, мне еще нужно в университет. Вы уж, письма доставьте прямо на

вокзал. *(Встает.)* Когда же наконец будет на всей земле коммунизм и не будет этих головоломок: писать — не писать, посылать — не посылать, так — не так?.. А, Сергей Александрович? Вы что-то приуныли? *(Кладет на стол портфель.)* Может, отменим? И советоваться ни с кем не будем, просто отменим — и все. А?

Трубников. Нет, Виктор Борисович, со своей стороны, я решил. И я не приуныл, а просто задумался. К сожалению, у нас некоторым людям не хватает широты взглядов. Но я не намерен этому потакать. В конце концов мое открытие есть мое открытие, и я волен делать с ним все, что мне вздумается. Так думаю я в душе, так я вам говорю сейчас вслух. И я прав. Я имею право так говорить.

Окунев. Не всякий имеет право так говорить. Но вы, пожалуй, да.

Трубников. И вы можете ни с кем не советоваться в Москве. Я вас освобождаю от этой обязанности.

Окунев. И все-таки я посоветуюсь.

Трубников. Как хотите. Я вас об этом не прошу. Письма я сам привезу вам к поезду. Я буду рад вас проводить. *(Идет вместе с Окуневым к дверям.)*

Окунев. Если собираетесь на вокзал, так уж

здесь не провожайте. Сидите, сидите, работайте. Не пущу провожать!

Помахав рукой, быстро выходит за дверь. Трубников несколько секунд один.

Стук в дверь.

Трубников. Войдите.

Входит ***Семен Никитич Саватеев,*** *небольшого роста пятидесятилетний человек, одетый в штатские брюки, ботинки и армейскую гимнастерку без погон, подпоясанную офицерским ремнем. На гимнастерке две нашивки за ранения и колодка с орденскими ленточками. Это очень тихий, спокойный, вежливый человек, говорящий с Трубниковым с оттенком давнего и привычного подчинения.*

Саватеев. Позвольте вас побеспокоить, Сергей Александрович.

Трубников. Пожалуйста, Семен Никитич! Что пришли? *(Смотрит на часы.)* В лабораторию нам еще с вами рано. В три часа.

Саватеев. Я не поэтому. Я с Григорием Ивановичем из коммутатора по телефону сейчас говорил.

Трубников. Он уже произвел заражение?

Саватеев. Да. Уже час сидит в изоляторе. Просил вам передать, что все в порядке, самочувствие хорошее.

Трубников. Хорошо. *(Молчание. Он ждет, что Саватеев уйдет, но тот остается.)*

Саватеев. Вы не беспокоитесь, Сергей Александрович?

Трубников *(занятый своими мыслями).* Что? Почему беспокоюсь? А, за Григория Ивановича? Нет. Я уверен в полном успехе. И потом, после того как я за свою жизнь шестнадцать раз чем только ни заражал себя, я могу на шестом десятке позволить себе не беспокоиться за других.

Саватеев. Так ведь и я сорок раз заражался, а все-таки тут чума! Значит, не беспокоитесь?

Трубников. Нет. *(Звонит в звонок, стоящий на столе. В дверях появляется* **секретарь**.*)* Ирина Лазаревна, дайте мне несколько листов хорошей бумаги.

Секретарь. Сейчас. *(Уходит.)*

Трубников *(с недоумением глядя на Саватеева).* Что у вас еще ко мне, Семен Никитич?

Саватеев. Совершенно уверены вы в успехе, а, Сергей Александрович?

Трубников *(начинает довольно резко).* Да что вы, в самом деле! *(Вдруг меняя тон.)* Стариками становимся, Семен Никитич. Ведь вот у меня сейчас совсем выскочило из памяти, что Григорий Иванович — ваш приемный сын. Выскочило — и

все. Хотя, впрочем, он сам в этом виноват. Он последнее время в институте взял такой самостоятельный тон, что я уже и забыл, что он был когда-то просто мальчишкой и я дарил ему шоколадки… Не волнуйтесь, дорогой Семен Никитич, я абсолютно уверен в успехе. Если бы я хоть на йоту сомневался, я бы проверил на себе.

Саватеев *(идет к дверям, поворачивается).* Не терплю я, когда другие. Люблю, когда сам. Заразишь себя, и на душе спокойно. *(Махнув рукой, выходит из комнаты.)*

Трубников один. Подходит к столу, садится за него. Берет одну из ручек, лежащих на письменном приборе. Оторвав кусочек газеты, вытирает кончик пера. Входит ***секретарь,*** *подает ему пачку бумаги.*

Трубников. Что вы мне дали? Разве это хорошая бумага?

Секретарь. Хорошая: белая и не промокает.

Трубников. Заберите обратно и найдите мне действительно хорошую бумагу. Мне за границу надо писать.

Секретарь *выходит. Трубников, отложив ручку, встает и замечает, что несгораемый шкаф за его спиной не заперт. Подходит к нему, довольно долго молча смотрит внутрь шкафа, потом*

медленно закрывает тяжелую дверцу и два раза поворачивает ключ в замке.

Занавес

Действие второе

Картина вторая

Комната в доме Трубниковых. Дом пережил много невзгод и сохранился с конца прошлого века таким, каким он был построен отцом Трубниковых, в те времена известным в городе врачом. Комната представляет собой одновременно и столовую, и гостиную; в ней стоит обычная мебель, не очень старая и не очень новая, а, в общем, довольно уютная. На стенах в больших рамах фотографии родителей Трубниковых. ***Лена*** *сидит с ногами на диване, закутавшись в платок.* ***Ольга Александровна*** *допивает чай за обеденным столом. Звонит телефон.*

Ольга Александровна *(взяв трубку).* Да… Хорошо. *(Кладет трубку.)* Мы можем не беспокоиться: он перекусил в институте, но сейчас будет. *(Смотрит на часы.)* Провозился полдня с Окуневым. Если бы ты знала, как надоела мне его вечная страсть ко всем, кто приезжает из-за границы, ко всем, кто хоть чем-нибудь может содействовать его популярности! В его тщеславии есть какая-то глупая и унизительная сторона.

Лена. Так скажи ему это в глаза!

Ольга Александровна. Бесполезно. Он неис-

правим. И я, в общем, тоже, потому что мне лень делать ему замечания.

Лена. Тетя Оля, знаешь, что? Ты допила чай?

Ольга Александровна. Да.

Лена. Ну, так залезай на диван, вот как я, с ногами.

Ольга Александровна. Хорошо. Что теперь?

Лена. А теперь давай говорить о личном.

Ольга Александровна *(улыбнувшись).* Что значит «о личном»?

Лена. А это мы так, бывало, на фронте, молодые врачи, сестры, ночью соберемся в землянке, затопим печку, и кто-нибудь предлагает: «Давайте говорить о личном». Тетя Оля, ты мне писала в сорок третьем году из Сибири, что, кажется, полюбила одного человека. Помнишь?

Ольга Александровна. Помню.

Лена. А я тебя потом в пяти письмах спрашивала, кто он. А ты ничего не ответила.

Ольга Александровна. Мы вернулись, а он остался в Сибири.

Лена. Кто он? Он отсюда? Я его знаю?

Ольга Александровна. Он отсюда, но ты его не знаешь. Ты была совсем маленькая; он учился здесь на физико-математическом, а потом уехал по партийной мобилизации. И доучивался уже

не здесь. Это было еще в двадцать шестом году.

Лена. И с тех пор вы не видались, до Сибири?

Ольга Александровна. Нет.

Лена. Как его фамилия?

Ольга Александровна. Макеев. Он проектирует там, в Сибири, «Энергострой». Это очень большое, огромное строительство.

Лена. Ну, вы расстались. А дальше? Рассказывай все.

Ольга Александровна. Что же рассказывать? Ведь говорят, что интересно слушать только про несчастную любовь, а у нас с ним счастливая.

Лена. Счастливая?

Ольга Александровна. Да, мы поженились год назад.

Лена. Ну, это уж безобразие!

Ольга Александровна. Что мы поженились?

Лена. Нет, что ты молчала: сегодня весь день и до этого целый год. Почему?

Ольга Александровна. Я как-то еще не очень привыкла говорить об этом людям. Немножко неловко в сорок лет вдруг извещать о том, что ты новобрачная.

Лена. Глупости!

Ольга Александровна. Конечно, глупости.

Лена. Ну, хорошо, а как же вы видитесь?

Ольга Александровна. В этом году мы виделись два месяца. Мы взяли отпуск в разное время: я свой жила там, у него, а он свой тут, у нас. Пока так.

Лена. Воображаю, как недоволен папа! Он с вами не ссорился?

Ольга Александровна. Нет, напротив: весь месяц, пока Андрей Ильич жил здесь, твой отец был с ним язвительно вежлив и звал его не иначе, как «зятюшка».

Лена *(целуя Ольгу Александровну).* Он недоволен. А как я довольна, если бы ты знала! Какой виноватой я всегда чувствовала себя перед тобой!

Ольга Александровна. Почему же виноватой?

Лена. Да потому хотя бы, что ты со смерти мамы всю жизнь с нами. Мы с отцом украли у тебя твою личную жизнь. И теперь он еще злится, что ты вышла замуж. А я рада.

Ольга Александровна *(улыбнувшись).* Я тоже.

Лена. Слушай, а тебя не удивило, что я еще ни разу не спросила тебя о Рыжике, о Грише Рыжове? Какой он стал, что с ним?

Ольга Александровна. Нет, не удивило.

Лена. Почему?

Ольга Александровна. Если все, что ты чув-

ствовала к нему, уезжая, осталось у тебя в душе, то тебе немножко страшно спросить меня, каким он стал, что с ним, кто с ним.

Лена. Вот как… Кто же с ним?

Ольга Александровна. Он был год на войне, был ранен, вернулся…

Лена. Это я знаю. Что сейчас?

Ольга Александровна. Сейчас? Он здесь. Заведует нашим отделом сывороток. Кандидат наук. Двадцать семь лет. Выглядит немножко старше. Насколько я знаю, холост.

Лена. А ну тебя!

Ольга Александровна *(продолжая тем же деловым голосом).* Ну, что ж еще? Последний год он секретарь парткома института.

Лена. Рыжик? Как странно!..

Ольга Александровна. Тебе придется отвыкнуть звать его Рыжиком. Это будет его молодить, а молодые люди этого терпеть не могут. Мы все давно уже привыкли звать его Григорием Ивановичем.

Лена. А я по-прежнему буду звать его Рыжиком. Если только… Если все, что после четырех лет разлуки вдруг заговорило во мне, когда я подъезжала сюда, мимо знакомых дачных остановок, если все это не обман… Рыжик — секретарь парткома…

Какой он стал? *(Показывая на щеки.)* Тут все такие же оспинки? Что я спрашиваю глупости?..

Ольга Александровна. Твой отец считает, что Григорий Иванович сильно переменился к худшему: слишком самостоятельно ведет свой отдел и слишком твердо, хотя, впрочем, вежливо, от времени до времени дает ему понять, что секретарь парткома — не безгласная тень директора, как у нас иногда бывало раньше.

Лена. А ему не мешает то, что он все-таки ученик отца?

Ольга Александровна. Представь, себе, нет! И знаешь, В этом есть что-то очень важное и новое, чему я еще, например, не научилась. Он никогда не забывает, что он ученик твоего отца, и в то же время никогда не позволяет твоему отцу переносить эти их отношения учителя и ученика в партийные или другие дела, касающиеся всего института. Он иногда наедине сносит выходки отца и щадит его самолюбие за свой собственный счет, но никогда за общественный.

Лена. Ай да Рыжик! Как мне хочется его поскорей увидеть!.. Почему я не встретила его сегодня в институте? Я глядела во все глаза.

Ольга Александровна. Я не напоминала тебе о нем сама, потому что… Я тебе говорила сегодня

утром об опыте с чумой…

Лена. Да. А что?

Ольга Александровна. Сегодня в десять утра он начал этот опыт на себе, и теперь, раньше чем через десять суток карантина, ни ты, ни кто другой все равно не сможет его видеть.

Лена. Почему именно он?

Ольга Александровна. Он неделю торговался с твоим отцом, кому из них это делать, и наконец согласились на том, что это сделает Григорий Иванович.

Лена. Вот теперь мне уже нестерпимо хочется видеть! У него хоть есть там телефон?

Ольга Александровна. Внутренний.

Лена. Я сейчас пойду в институт и позвоню ему.

Ольга Александровна. Ты уверена, что он совершенно равнодушен к тебе?

Лена. Почему уверена?

Ольга Александровна. Потому, что если ты в этом не уверена, если твой голос способен взволновать его, как же ты смеешь ему звонить во время такого опыта, когда он связан по рукам и ногам и все равно до конца карантина не сможет видеться с тобой?

Лена. Я, кажется, начинаю волноваться за

него.

Ольга Александровна. Волноваться нет причин. Наша прививка абсолютно надежна, но…

Лена. Что «но»?

Ольга Александровна. Но все-таки, когда человек впервые в истории науки заражает себя чумой, не должно быть никакой суеты вокруг этого. Никто не имеет права давать волю ни своим чувствам, ни своим нервам, пока это не кончено. *(Раздается резкий стук в дверь.)* Войдите, Марья Трофимовна.

Входит ***Марья Трофимовна,*** *маленькая, полная, очень решительная пятидесятилетняя женщина, с круглым лицом, сердито сдвинутыми черными бровями и черными, без единой сединки волосами.*

Я всегда вас узнаю по стуку, по шагам, даже по дыханию, когда вы стоите у меня за спиной. То ли я так вас боюсь, то ли я так к вам привыкла.

Марья Трофимовна. Всё вместе. *(Лене.)* Пришла поглядеть на тебя. Покажись! В институте не разглядела, не до того было. *(Кивнув на Ольгу Александровну.)* За ней там только и смотри, чтобы перчатки надела, чтоб маска на месте была, чтоб пробирку не разбила. Как за малым ребенком!

Ольга Александровна. Сами меня к этому приучили.

Марья Трофимовна. А я не на вас, я на себя и ворчу. *(Разглядывая Лену.)* Похорошела!

Лена. Вот тетя Оля боится вас, а я не боюсь. *(Подходит к ней, целует ее.)* И вовсе вы не страшная. Так только, притворяетесь. Рыжик по-прежнему с вами живет?

Марья Трофимовна. Второй год, как комнату получил и отъехал. Вам, говорит, со мной тесно. И верно, с ним было тесно, а без него пусто. Я уж и то Семену Никитичу своему сказала: раз так, давай на старости лет какую-нибудь снегурку себе заведем. Все хожу по детским домам, приглядываю. Что же это я все одна говорю, а вы молчите?..

Ольга Александровна. А вы не стесняйтесь, Марья Трофимовна, вы же всегда так.

Марья Трофимовна. Ну, все-таки Лена приехала... Как жила-то, Леночка, в войсках да в заграницах?

Лена. В войсках хорошо, а в заграницах плохо.

Марья Трофимовна. Что так?

Лена. Последний год я была врачом в нашей комиссии, которая объезжала лагеря перемещенных лиц.

Марья Трофимовна. Что ж тебя, женщину-то?

Лена. А там есть и женские лагеря и детские.

Марья Трофимовна. И детские?

Лена. И детские. Грустно и противно.

Входит ***Трубников,*** *в руке у него портфель, на голове шапка, которую он забыл снять в передней. Выражение лица взволнованное и радостное, но сразу делающееся недовольным, когда он видит Марью Трофимовну. Чувствуется, что ему сейчас не хочется видеть никого из посторонних.*

Трубников. Вот я и пришел! *(Снимает шапку, небрежно кладет ее вместе с портфелем на тумбочку; вынув из кармана носовой платок, вытирает лицо.)* Снег идет. *(Садится.)* Хорошо дома-то, а, Лена? О чем вы тут говорили? Сплетничали?

Марья Трофимовна. Лену расспрашиваю, как жила. *(Лене.)* Что грустно-то и что противно?

Лена. Грустно, что в этих лагерях есть маленькие дети, которые уже невольно начинают забывать русский язык. А противно, что, по необходимости разговаривая там с разным лагерным начальством, каждым кусочком кожи чувствуешь, как они отвратительно мечтают о новой войне.

Трубников. Ну, все-таки немцам на долгие годы вырвали зубы!

Лена. Я не о немцах. А что касается зубов, то там сейчас работает столько дантистов, готовых их обратно вставить…

Марья Трофимовна. Семен Никитич тоже рассказывал. Он у меня, Леночка, до младших лейтенантов дослужился. Это на старости лет-то! Его так в дивизии у них и звали: самый, говорят, он у нас старший младший лейтенант! Теперь командует мной, спасу нет!

Лена. Не верю.

Трубников во время разговора встает, нетерпеливо прохаживается по комнате, присаживается в одно кресло, потом встает, опять прохаживается, присаживается в другое. Видно, что присутствие Марьи Трофимовны тяготит его как неожиданная помеха.

Ольга Александровна *(внимательно наблюдавшая за Трубниковым на протяжении всего разговора).* Что с тобой, Сережа? У тебя такое лицо, как будто ты чем-то очень взволнован и обрадован?

Трубников. Да, очень.

Ольга Александровна. Чем?

Трубников. Собственной принципиальностью!

Ольга Александровна. И тебе не терпится что-

то рассказать мне, да?

Трубников. Честно говоря, да. Марья Трофимовна, вы, надеюсь, не обидитесь?

Марья Трофимовна. Не обижусь.

Трубников *(Ольге Александровне).* Пойдем ко мне в кабинет. *(Уходит в другую комнату, пропустив вперед Ольгу Александровну и плотно закрыв за собой дверь.)*

Марья Трофимовна *(вставая).* Ну, я домой пойду.

Лена. Не обижайтесь на него. У него же всегда все, что захочется, — сразу! Вы не обращайте внимания.

Марья Трофимовна. А я и не обращаю. Просто посмотрела на тебя и пойду. К своему.

Лена. Я провожу вас до трамвая. Значит, побаиваетесь все-таки своего?

Марья Трофимовна. Нет. Но он сегодня у меня не в себе.

Лена. Из-за чего?

Марья Трофимовна. Да так, не стоит слов тратить. *(Встает.)*

Лена. Из-за Гриши, да?

Марья Трофимовна. А это ты ни к чему. Делают люди свое дело, и нечего о них лишние разговоры разговаривать, — пусть делают. Кончат — в театр

пойдем.

Лена. Почему в театр?

Марья Трофимовна. Ну, дома соберемся, вина выпьем. *(Накидывает на голову до этого лежавший на ее плечах платок.)* Ну что ж, проводи, коли не лень, я рада.

***Обе** выходят. Несколько секунд сцена остается пустой. Потом открывается внутренняя дверь, быстро входит **Ольга Александровна**, у нее очень взволнованный вид.*

Трубников *(показываясь в дверях).* Вернись!

Ольга Александровна *(садясь в кресло).* Лучше нам больше не говорить на эту тему.

Трубников *(оглядывая комнату).* А где они?

Ольга Александровна. Не знаю.

Трубников *(быстро проходит в переднюю, возвращается).* Ушли. Пойдем ко мне в кабинет, договорим.

Ольга Александровна. Нет.

Трубников. Почему?

Ольга Александровна. Я слишком привыкла в твоем кабинете слушать тебя руки по швам, а сейчас не хочу.

Трубников. Как ты не можешь понять, что я прав? Сто раз, тысячу раз прав! И с точки зрения науки и с точки зрения нормальных человече-

ских отношений.

Ольга Александровна. А по-твоему, сейчас в мире нормальные человеческие отношения?

Трубников. Не знаю. В данном случае — это не моего ума дело. Я говорю не о мире, а о себе.

Ольга Александровна. О себе. Опять о себе! Мне иногда кажется, что ты живешь в зеркальной комнате и видишь только себя. Но это только кажется. Ты живешь на свете, и на тебя смотрят другие люди, и им иногда противно, а мне непонятно...

Трубников. Что тебе непонятно?

Ольга Александровна. Я не понимаю, как ты, уже пять лет коммунист, не можешь и не желаешь отвыкнуть от этого «Я!», «Я!», «Я!» Превыше всего — «я». Ты совершенно не переменился за эти годы, ни вот настолько!

Трубников. А позвольте спросить: почему я должен был меняться? Меня принимали в партию таким, каким я был, и я никому не давал торжественных обещаний меняться и делаться другим. Пусть они мирятся со мной с таким, какой я есть!

Ольга Александровна. Кто «они»?

Трубников. Прекрати! Последние месяцы ты стала невыносимой со своими прописными ис-

тинами. Вот уж кто действительно переменился!

Ольга Александровна. Да, то, что я вступила в партию, для меня большая перемена в жизни! И мой долг…

Трубников *(прерывая ее).* Только, пожалуйста, без этой интеллигентщины: «честь», «доблесть», «долг».

Ольга Александровна *(спокойно).* И мой долг сейчас сказать тебе, что ты неправ. И я совершенно с тобой не согласна.

Трубников *(сдерживая бешенство).* Почему, позвольте вас спросить?! Потому, что я отдал часть технологии моего препарата через моего друга моим американским коллегам и учителям, работающим над той же общечеловеческой проблемой, что и я? С этим вы не согласны? С тем, что я не желаю поощрять человеконенавистнические теории и считаю себя выше их? И считаю, что наука — прежде всего наука, и ученые — прежде всего ученые, — с этим вы не согласны?

Ольга Александровна. Я не согласна с тем, что ты так торопливо, воровски, не сказав никому ни слова, вдруг послал в Америку технологию, над которой мы все бились годами.

Трубников. Но это уж просто ложь! Почему «воровски»? Я же тебе показал их письма? Мне

нужно вывести их из заблуждения, доказать, что я прав, что мое открытие есть мое открытие. Для меня оскорбительны их сомнения, наконец мучительны…

Ольга Александровна. Может быть, они своими сомнениями убедили тебя в том, что ты неправ?

Трубников. Что ты спрашиваешь глупости?!

Ольга Александровна. Так почему же ты мучаешься? Я бы на твоем месте мучилась, если бы сомневалась в своей правоте. А если они сомневаются в твоей правоте, так почему должен мучиться ты? Пусть мучаются они оттого, что они и их наука не доросли до истины, до которой дорос ты и наша наука.

Трубников. Кажется, мы не договоримся.

Ольга Александровна. А разве ты хочешь договориться со мной? Ты просто в восторге от своей принципиальности и хочешь, чтобы я тоже пришла от нее в восторг. А это не принципиальность, а самоуправство! Ты просто хочешь, чтобы я подписалась подо всем, что ты сделал. А я не подпишусь! Послать технологию препарата, над которым мы столько мучились, в страну, где нам грозят войной, где нас обливают потоками грязи! Я отказываюсь понимать тебя.

Трубников. Ты говоришь так, как будто я послал туда технологию изготовления наших прививок. Я послал туда только первую часть, и ты не хуже меня знаешь, что на основе этой части прививок изготовить нельзя.

Ольга Александровна. Да. Но, прежде чем начать изготовлять прививки, нам пришлось три года работать над этой предварительной частью. Так это или не так?

Трубников. Так. Ну и что же?

Ольга Александровна. А то, что американцы, прочитав эту технологию и пойдя по нашему пути, сократят время своих исследований на три года — наших три года, которые мы, недосыпая, а во время войны и недоедая, сидели в лабораториях, чтобы получить то самое, что ты отправил туда! Не говоря уже о том, что каждую копейку из миллионов, ушедших на это, тебе дало государство… Это его собственность! А не твоя… А, ты… ты просто… просто поступил, как вор! Да, да, именно! Это я и хотела сказать.

Трубников. Во-первых, прекрати истерику, а во-вторых, будь логична. Полгода назад, когда я послал в Америку книгу, я сказал тебе об этом или не сказал?

Ольга Александровна. Сказал, когда я верну-

лась из отпуска. После того как послал.

Трубников. Да. Но…

Ольга Александровна. Не напоминай мне об этом.

Трубников. Почему не напоминать тебе об этом?

Ольга Александровна *(резко вставая).* Потому, что это подло с твоей стороны! Потому, что ты позволяешь себе напоминать мне об этом сейчас так, как будто я была согласна с тобой тогда! А я была не согласна, и ты это прекрасно знаешь. Но ты позволил себе оскорбить меня. Ты начал кричать, что это твой труд, твоя идея, твоя книга, чтобы я не совала нос не в свое дело. И я позволила себе роскошь оскорбиться и замолчать. Но сегодня я вижу, что это была непозволительная роскошь. Ты можешь сколько тебе угодно издеваться надо мной, но я все равно скажу: да, я переменилась с тех пор и еще буду меняться! И сегодня я поступлю иначе, чем тогда, — можешь быть уверен!

Трубников. Что ты этим хочешь сказать!

Ольга Александровна *(вставая).* Ничего. *(Идет к роялю, надевает шляпу, берет перчатки.)*

Трубников. Куда ты идешь?

Ольга Александровна молчит, в волнении на-

тягивает перчатки.

Надеюсь, все, о чем мы говорили, будет между нами?

Ольга Александровна, не отвечая, идет к двери.

Оля!

***Ольга Александровна** выходит.*

(В дверях.) Оля! Остановись! Я тебя прошу. Я приказываю тебе!..

*Слышно, как хлопает входная дверь. Трубников, в сомнении постояв в дверях, возвращается, садится в кресло, закуривает. Потом смотрит на часы, подходит к роялю, берет лежащий там в коробочке термометр, встряхивает его и, снова сев в кресло, засовывает термометр подмышку. Опять хлопает входная дверь. Трубников встает. Входит **Лена**.*

А, это ты! *(Садится.)*

Лена. Что, меришь температуру?

Трубников. Да. Сегодня я работал с инфекциями, теперь еще десять дней придется мерить.

Лена. А где тетя Оля, у себя?

Трубников. Нет, она ушла.

Лена. Мне показалось, что я ее встретила, но я подумала, что это невозможно.

Трубников. Теперь у нас все возможно.

Лена. Вы поссорились?

Трубников. Нет, мы, оказывается, просто говорим с ней на разных языках: она — на одном, а я — на другом.

Лена. На каких же?

Трубников. Я, к своему несчастью, на языке гуманизма. Кажется, этот язык теперь во всем мире становится старомодным.

Лена. Почему? Там, откуда я приехала, слово «гуманизм» повторяют через каждые три слова. Даже наших детей не хотели мне возвращать из лагерей во имя гуманизма… Нет такого темного дела, которое там не прикрывали бы словом «гуманизм».

Трубников *(резко).* Что ты этим хочешь сказать?

Лена *(с искренним удивлением).* Как что? *(Внимательно смотрит на него.)* Что с тобой? Куда ушла тетя Оля?

Трубников. Не знаю. Но, кажется, догадываюсь.

Лена. Дай термометр, я посмотрю.

Трубников. На.

Лена *(подходит к лампе).* Тридцать шесть и шесть.

Трубников *(рассеянно).* Что?

Лена. У тебя тридцать шесть и шесть.

Трубников *(неожиданно берясь за шапку).* Ложись спать.

Лена. Ты куда?

Трубников. Я, наверное, поздно вернусь. Ложись спать. *(Быстро выходит.)*

Лена, удивленно посмотрев вслед отцу, привычным движением молча встряхивает термометр.

Картина третья

Квартира Саватеевых. Небольшая комната. Две двери: в переднюю и, очевидно, в другую комнату. Вторая дверь на две трети закрыта придвинутым к стене буфетом. Судя по обстановке, сейчас это единственная комната хозяев. У одной стены маленький письменный стол и деревянная этажерка. И на столе и на этажерке много книг. У другой стены квадратный обеденный стол и буфет. У третьей стены кровать, отделенная от остальной комнаты полузадернутой занавеской. Несколько стульев. У письменного стола мягкое кресло. Когда открывается занавес, на сцене ***Ольга Александровна*** *и* ***Марья Трофимовна*** *у обеденного стола и* ***Саватеев*** *— поодаль от них, в другом конце комнаты в кресле.*

Марья Трофимовна *(придвигая к себе чайник).* Ну, а все-таки чайку!

Ольга Александровна. Нет, какой чай! Вот я вам все сказала, вам и Семену Никитичу. Теперь говорите, что делать? Я для этого пришла к вам.

Марья Трофимовна. Я уж и то испугалась: в такую поздноту.

Ольга Александровна. А к кому же мне, Марья

Трофимовна, как не к вам? Ведь вы со мной девятнадцать лет. А я, в сущности, здесь так одинока.

Марья Трофимовна. Не гневите Бога. Как же вы одиноки, когда в институте нет человека, чтобы в вас души не чаял?

Ольга Александровна. Я говорю о доме.

Марья Трофимовна. Так ведь дом — не весь свет.

Ольга Александровна. Скажите мне, что делать? Как мне поступить?

Марья Трофимовна. Семен Никитич, что же ты молчишь? Или это тебя не касается? Твой напакостил, а ты молчишь? Как всегда, ему оправдания подыскиваешь, а?

Саватеев *(угрюмо).* Сначала хочу тебя послушать.

Пауза.

Ольга Александровна. Конечно, если бы был Григорий Иванович, я бы просто пошла к нему. Я знаю, он бы сам взял на себя разговор с Сергеем Александровичем… Может, отложить все до того, как он вернется после опыта?

Саватеев. Несерьезно судите, Ольга Александровна.

Ольга Александровна. Почему?

Саватеев. Несерьезно судите. Партия — это не

одни секретари, какие бы они там хорошие ни были. Верно, жаль, что Гриши нет в такую минуту, но откладывать до его возвращения мы с вами не будем. Мы и без него смелость в себе найдем, чтобы поговорить и с Сергеем Александровичем, да и с кем угодно.

Ольга Александровна. Вы будете говорить с ним?

Саватеев. Буду. А что же вы, в самом деле, думаете? Если я двадцать шесть лет с ним работаю и за это время его руками стал, которыми он каждую пробирку брал и клал, и если я за все годы ни одного из его драгоценных нервов не попортил ни одним своим лишним словом, так неужели вы думаете, что все это только ради его прекрасных глаз? Или оттого, что у меня такой овечий характер? У меня характер не овечий. Я две войны на хребте винтовку таскал. Я ему служил, потому что он народу служил. Я не для заграницы старался. А если он для нее хочет стараться, то я раз за двадцать шесть лет найду, что ему сказать!

Марья Трофимовна. Если бы Гриша был.

Саватеев *(грубо).* Оставь ты Гришу!

Молчание.

Ольга Александровна. Ужасно тяжело и одиноко оттого, что мы с Сергеем Александровичем

не понимаем друг друга в чем-то самом главном. Когда полгода назад была эта история с книгой, я еще как-то пробовала его понять, пробовала стать не только на свою, но и на его точку зрения, но сейчас…

Саватеев. Вот то-то и беда, Ольга Александровна, что вы часто по своей доброте, как с кем заспорите, так, чтоб не обидеть, всё хотите сразу на двух точках зрения стоять: и на своей и на чужой! А разве это можно? Вы только подумайте, какие глупости вы говорите!

Ольга Александровна *(вставая).* Извините меня, Семен Никитич, но вы тоже подумайте, что вы говорите! Я пришла к вам не затем, чтобы слушать грубости. Я пришла у вас просить совета.

Саватеев. Значит, от сих до сих, а дальше «не вашего ума дело?» Если так, зачем к нам пришли? Вы нам по службе не подчинены, отчетом не обязаны.

Пауза.

Садитесь, Ольга Александровна. Мы вас оба девочкой знали.

Ольга Александровна *(садясь).* Много неожиданного в людях.

Саватеев. Про меня?

Ольга Александровна. Про вас, про себя, про

Сергея Александровича. Больше всего про него.

Марья Трофимовна. А что ж неожиданного-то? В малом никого спрашивать не привык — ив большом не спросил. В малом все «мое» и в большом его. А раз его, так что же ему спрашивать? *(Берет в руки чашку.)* Вот чашка моя, хочу — об пол хвачу, хочу — в шкаф поставлю. Хотя, конечно, и Сергей Александрович у нас не без защитников был…

Саватеев *(из своего угла).* Только когда за его тяжелым характером некоторые не умели видеть его таланта и научной смелости.

Марья Трофимовна. Только ли?

Саватеев молчит.

«Я двадцать шесть лет с ним работаю, вы его все не знаете, я один знаю».

Саватеев *(вставая).* Смертельно меня обидел Сергей Александрович. Не во мне дело, конечно. Но меня… мне он просто вот эти руки, которые я ему на двадцать шесть лет отдал, обрубил…

Ольга Александровна. Семен Никитич, давайте сейчас же решать, что мы будем делать. Слышите?

Марья Трофимовна *(подходя к ней, обнимая ее).* Вот такой люблю тебя до смерти! Такой ты к чумным ездила, такой тифом себя заражала. Ко-

гда такая, ничего с тобой не боюсь. Дай поцелую. *(Целует ее.)*

Саватеев. А сделаем мы вот что…

Резкий непрерывный звонок. Марья Трофимовна порывается пойти к дверям.

(Решительно). Я сам открою. *(Выходит.)*

Марья Трофимовна. Неужели с Гришей что-нибудь?

Ольга Александровна *(спокойно).* Нет. Я, кажется, знаю, кто это.

Быстро входит ***Трубников,*** *за ним* ***Саватеев****. Трубников, сняв шапку, стряхивая с нее снег, внимательно оглядывает всех присутствующих. Он хочет знать, было ли здесь уже рассказано то, о чем он говорил с Ольгой Александровной, во-время ли он пришел, чтобы помешать этому, или опоздал. Через секунду он понимает по лицам, что опоздал. Усилием воли он возвращает себе обычное внешнее спокойствие и уже небрежно еще раз отряхивает шапку о колено.*

Трубников. Днем метель, ночью опять метель.

Саватеев. Снимайте пальто, Сергей Александрович.

Трубников. Где повесить?

Саватеев. Я сам. Дайте шапку. *(Берет у него из рук пальто и шапку и выходит в переднюю.)*

Трубников *(садится к столу, потирает руки).* А у вас тепло.

Марья Трофимовна. Это с мороза. У нас холодновато теперь. *(Показывая на дверь, задвинутую буфетом.)* Эту дверь-то помните?

Трубников. В другую комнату?

Марья Трофимовна. Там теперь прямо двор. Бомбой как отрезало. Стена наружу.

Трубников. Чуть не заблудился у вас во дворе.

Марья Трофимовна. Давно не были.

Саватеев *входит и молча садится в кресло.*

Трубников *(Ольге Александровне).* А я думал, куда ты ушла? Потом решил: наверное, сюда. Но пока машину вызывал…

Марья Трофимовна *(перебивая его).* Чайку?

Трубников. Нет, спасибо. Пока машину вызывал, целый час провозился, опоздал.

Ольга Александровна. Да, ты опоздал.

Трубников. Что?

Ольга Александровна. Я говорю: да, ты опоздал. Я все рассказала. И мы здесь сидели и думали, как нам дальше поступать.

Трубников *(высокомерно).* То есть, что это значит: как вам дальше поступать?

Ольга Александровна. Как исправить то, что ты сделал.

Трубников *(встав).* Извините меня, Марья Трофимовна. И вы, Семен Никитич. *(Ольге Александровне.)* Может быть, мы продолжим наш с тобой разговор потом, дома?

Ольга Александровна. Нет, мы продолжим его сейчас, здесь.

Трубников. К сожалению, здесь он начался в мое отсутствие, пусть в мое отсутствие и продолжается.

Ольга Александровна. Напрасно ты уходишь. Если мы не продолжим его сегодня здесь, мы его продолжим завтра в институте.

Трубников *(садясь).* До сих пор не знал за тобой страсти к публичным объяснениям. Ну что ж, слушаю.

Марья Трофимовна. Может, все-таки чаю, Сергей Александрович?

Трубников. Оставьте меня с чаем! Я слушаю. *(Ольге Александровне.)* Я тебя слушаю.

Ольга Александровна. Мы с тобой каждый день говорили о наших микробах и о наших прививках, но сегодня я поняла: мы с тобой уже двадцать лет не говорили о наших взглядах на жизнь. Я боюсь, что нас ждут большие неожиданности — и тебя и меня.

Трубников. А если все-таки об этом не при

посторонних?

Ольга Александровна. Мы сидим с тобой у людей, с которыми мы, двое, проработали всю свою жизнь. Они нам не посторонние.

Трубников. Хорошо. Я слушаю.

Ольга Александровна. Мне очень жаль, что здесь нет Григория Ивановича: он бы это сказал тебе, конечно, в десять раз лучше, чем я. Но скажу я. Ты поступил так, как не может и не должен поступать коммунист.

Трубников. В данном случае вопрос касается не моей партийной принадлежности, а моих научных трудов, не говоря уже о том, что ты не секретарь парткома, и я сейчас сижу не на партбюро.

Ольга Александровна. Да, мне жаль, что здесь нет Григория Ивановича. Но мне кажется, что именно сейчас, когда Григорий Иванович сидит там, заразив себя чумой, тебе должно быть особенно стыдно за то, что ты сделал! Сейчас, когда ты здесь, он там, а работа нашего института по дороге в Америку.

Трубников *(вставая).* Кажется, я все-таки напрасно остался.

Саватеев *(выходя из своего угла, неожиданно).* Нет, не напрасно, Сергей Александрович. Я тоже

хочу вам кое-что сказать.

Трубников. Например?

Саватеев. Вы напрасно не посоветовались со мной, когда сначала отправили за границу вашу книгу, а потом отдали и технологию.

Трубников *(с иронией).* Мне как-то не пришло это в голову.

Саватеев. А почему? Я же работаю с вами двадцать шесть лет. Вы же сами меня называли своей «морской свинкой», своими «руками». Хорошо, пусть свинкой, пусть руками, но без рук-то ничего нельзя сделать: не без моих, так без других. Скажите мне, в вашей книге, в технологии, во всем, что вы делали, есть хоть какая-нибудь доля моей работы? Хоть сотая?

Трубников молчит.

Есть или нет? Ответьте мне.

Трубников. Есть.

Саватеев. Я поседел рядом с вами. Так как же вы не спросили меня, позволю ли я отдать эту свою сотую долю, долю, которую никакой силой, никакой химией не выделить из вашей работы? А я не позволю. Да что я о себе! А институт? Нас триста человек. Верните сначала нам наши три тысячи лет, которые мы потратили за десять лет этой работы. А потом мы еще все-таки подумаем,

есть ли у вас право решать без нас.

Марья Трофимовна *(резко вставая и выпрямляясь).* Без нас, без нас! Заладили одно и то же, будто на нас свет клином сошелся. Позволим, не позволим! Весь народ ему не позволит! Советская власть! Правительство! Никто не позволит!

Саватеев. Об этом я уж и не говорю.

Марья Трофимовна. А ты говори!

Трубников. Вы сказали все, что хотели мне сказать?

Саватеев. Нет, не все, Сергей Александрович, я тебе должен сказать, как коммунист коммунисту. Я всегда говорил с тобой как твои руки, как твой лаборант, снизу вверх. Сейчас я хочу тебе сказать на равных, как коммунист коммунисту: ты поступил неверно, и ты должен это исправить сам. И сейчас же!

Трубников *(в волнении прохаживаясь по комнате).* Это что? Совет? Требование? Угроза? Может быть, вы мне популярно объясните?

Ольга Александровна. Ты должен вернуть технологию в наш институт. Вернуть ее государству. Вот и все!

Трубников. «Наш институт»! Но я пока еще директор вашего института, и хотя бы из соображений авторитета вашего института я не имею

права ставить себя перед людьми в положение мальчишки. Я не далее, как сегодня передал технологию Окуневу. И что же, теперь я должен из-за ваших капризов брать ее обратно? Быть мальчишкой в его глазах?

Ольга Александровна. А кто такой Окунев? Три года назад ты сам мне говорил, что он выскочка, говорун, а не ученый!

Трубников. Кто бы он ни был, дело не в нем, а во мне.

Саватеев. Раз ошиблись, надо брать обратно.

Трубников. Закончим этот разговор. Помимо того, что он мне надоел, для вашего полного успокоения могу сказать вам, что Окунев обещал предварительно еще посоветоваться на эту тему в Москве. *(Ольге Александровне.)* Пойдем.

Саватеев. Москва — Москвой. Там тоже люди разные. А у нас свои головы на плечах!

Ольга Александровна. Ив конце концов нам-то это ближе. Мы-то чувствуем, что нельзя отправлять это. Почему тебе чьи-то советы дороже наших?

Саватеев. Сергей Александрович, нет человека в институте, которому бы был дороже ваш авторитет, чем мне, но технологию вы должны вернуть. Сами. Или…

Трубников. Что «или»?

Саватеев. Или мы, помимо вас, сделаем так, чтобы она вернулась в институт.

Трубников. Помимо меня?

Саватеев. Помимо вас.

Трубников. Интересно, каким это способом?

Саватеев. Есть много способов, Сергей Александрович. Все они нехороши только одним.

Трубников. Чем?

Саватеев. А тем, что если вы сами не вернете, в институте нельзя будет дальше работать ни вам с нами, ни нам с вами…

Трубников. Скатертью дорога!

Ольга Александровна. Сергей!

Трубников. А ты что, тоже намерена присоединиться к этой угрозе?

Ольга Александровна. Да.

Трубников. Боже мой, как все это отвратительно!

Ольга Александровна. Да.

Трубников. Что «да»? Что «да»? Мне отвратительны ваши разговоры — вот что «да». Хорошо. Я верну эту пресловутую технологию, только не воображайте, что я с вами согласен хоть вот настолько! Я верну ее просто потому, что мне отвратительны ваши полицейские методы надзора

надо мной. Вы мне сделали противной мысль о моем собственном открытии. Вы добились своего. Мне уже все противно и все все равно. Но я не желаю сплетен и разговоров и поэтому верну вам эту мою рукопись, которая, оказывается, не моя! Подавитесь ею! *(Сдерживаясь, холодно Ольге Александровне.)* Поедем, а то там шофер замерз в машине.

Саватеев. Как вы думаете вернуть ее?

Трубников. Ах, вам и это интересно? Может быть, вам расписку написать, что я обязуюсь вернуть? Или от вас расписку взять, что вы в этом случае обязуетесь не разглашать происшедшего?

Саватеев. Зачем вы так говорите, Сергей Александрович?

Трубников. Нет, нет, я именно так и говорю! И я вам больше не Сергей Александрович, и вы мне не Семен Никитич! Старых отношений между нами больше нет. Но, чтобы избавить себя от ваших дальнейших угроз, считаю своим долгом вам ответить: верну при помощи телеграфа. Сейчас поеду на телеграф и отправлю телеграфом молнию Окуневу с просьбой немедленно, ближайшей оказией, вернуть мне рукопись. Вы удовлетворены моим ответом?

Саватеев молчит.

Надо полагать, ваше молчание — знак согласия. Тогда разрешите идти. Так, кажется, говорят в армии?

Резко повернувшись, выходит первым, вслед за ним ***Ольга Александровна*** *и* ***Марья Трофимовна****. Саватеев молча стоит посреди комнаты.* ***Марья Трофимовна*** *возвращается.*

Марья Трофимовна. Ну, что с тобой? Что ты стоишь?

Саватеев. Ничего.

Марья Трофимовна. Ляг, отдохни.

Саватеев. Нет, я пойду. *(Идет к двери.)*

Марья Трофимовна. Куда ночью?

Саватеев. Пойду в институт, позвоню по телефону Грише, как он себя чувствует. *(Выходит.)*

Занавес

Действие третье

Картина четвертая

Прошло пять дней. Обстановка второй картины. За окнами уже по-зимнему рано темнеет. В комнате беспорядок, сразу обнаруживающий, что кто-то приехал: на спинке кресла повешен пиджак, на рояль брошен портфель, у стола стоит чемодан. В комнату почти одновременно входят ***Ольга Александровна*** *и* ***Марья Трофимовна:*** *Марья Трофимовна — из двери, ведущей в переднюю, Ольга Александровна — из внутренней двери; она в фартуке, рукава платья засучены.*

Марья Трофимовна. Здравствуйте, Ольга Александровна, поздравляю вас с днем рождения!

Ольга Александровна. Спасибо, Марья Трофимовна! *(Целует ее.)* Обнять не могу: руки мокрые. Воскресенье. Дома никого — и всё сразу на меня: я и яичницу ему жарь и ванну ему готовь.

Марья Трофимовна. Что, Андрей Ильич приехал?

Ольга Александровна. Прилетел.

Марья Трофимовна. Вот прилетел, а вы даже и день рождения отменили! Нехорошо.

Ольга Александровна. Ах, Марья Трофимовна, не до того мне эти дни было! Да и, сказать по

правде, сорок лет — дата, в общем, невеселая для женщины…

Марья Трофимовна. Сорок-то сорок, а прилетел?

Ольга Александровна. Прилетел.

Марья Трофимовна. Ну, ладно, раз не справляете, что с вас взять. Вот вам! *(Сует ей в руки сверток.)* Варенье.

Ольга Александровна. Спасибо.

Мужской голос *(из глубины квартиры)*. Оля, ради Бога, покажи, где у вас кран с холодной водой! Еще минута — и я сварюсь.

Ольга Александровна. Ну, целую вас. *(Целуются.)* Как я рада, что с Григорием Ивановичем все так хорошо!

Марья Трофимовна. Да, шестой день. У меня уж и то на сердце отлегло.

Мужской голос. Оля!

Ольга Александровна *быстро выходит. Марья Трофимовна идет к дверям. Навстречу ей входят* ***Лена*** *и* ***Иванов.*** *Лена в лыжном костюме. Иванов в валенках, ватных штанах, в толстой фуфайке. Поверх нее — пиджак.*

Марья Трофимовна *(Иванову).* С поздравленьицем?

Иванов. Что же поделаешь? Не званы, так хоть

на минуту.

Марья Трофимовна *(в дверях Иванову).* С чем пришли-то?

Иванов. С елкой. *(Выходит вслед за ней в переднюю и втаскивает небольшую, но пышную елку, ставит ее на рояле, прислонив к стене.)*

Лена. Мне так жаль, что тетя Оля ни за что не захотела устроить день своего рождения. Я уговаривала — нет.

Иванов. Ольга Александровна упорствует редко, но если уж упорствует, то до конца. Ничего, я только поздравлю ее и уйду. *(Пауза.)* Что, загонял я вас на лыжах?

Лена. Немножко. *(С удивлением смотрит на висящий на спинке кресла пиджак.)*

Ольга Александровна *(входя).* А, Леночка! Здравствуйте, Федор Федорович! Сейчас я, одну минуту. *(Берет чемодан, хочет его нести.)*

Иванов. Позвольте, я помогу.

Ольга Александровна. Ничего, он легкий.

Лена. Что это?

Ольга Александровна. А это ко мне муж приехал. *(Выходит.)*

Лена. Первый раз вижу ее такой счастливой! Почти как я. Если бы вы знали, как я счастлива, что снова вернулась сюда, к своей работе!

Иванов. Да, вам повезло. Возвращаться всегда приятно. Даже когда все приходится начинать сначала. Но знаете, что самое удивительное? Что эта страшная война не только не отбросила нас назад, но даже не остановила на месте. Мы двигались, да еще как двигались! Я когда думаю об этом, всегда вспоминаю двадцать первый год. Какая кругом была разруха! Бывало, наш старик профессор Федоров заберет в лабораторию всякие препараты — мозги, мышцы, — привяжет их в салфеточке на палку и пешком тащится через весь город читать лекции на курсах военных фельдшеров. Препараты мерзлые, посуда лопнула, формалин разлился. Вот с чего мы начинали после той войны! А вы возвращаетесь после войны в свой институт, где, правда, крыши немножко подтекают и штукатурка пооблупилась — руки еще не дошли, — зато по объему работы, смею вас уверить, во всей той Европе, которую вы изволили исколесить, не найдется сейчас такого учреждения, как вот наше.

Лена. Да, судя по тому, что мне удалось видеть, вы правы. Может быть, в Америке…

Иванов. В Америке? Не бывал. Не знаю. Будем судить по результатам. *(Пауза.)* Как ваше общее впечатление от европейских лабораторий?

Лена. Очень часто больше тщательности, чем размаха.

Иванов. И случается, что больше рекламных проспектов, чем научных трудов?

Лена. Случается, и так.

Иванов. Вот вы поподробнее, по-семейному расскажите об этом Сергею Александровичу, а то он все тяготится нашей провинциальной жизнью. Хочет в большой мир, куда-нибудь в Люксембург съездить, мировую науку посмотреть. Эх, если бы вы только знали, как одновременно я и люблю, и ненавижу вашего отца, как мне десять раз в день попеременно то хочется расцеловать его, то избить!.. Меня держит здесь только мысль, что я как акушерка присутствую при рождении блистательного открытия. Но как только мы вытащим щипцами этого трудного ребенка, я немедленно сбегу от всех вас.

Лена. Куда?

Иванов. Обратно, в свои пустыни, к своим грызунам. Сегодня ночью мне приснились пески у Иссык-Куля, те самые, в которых мы с вами были. Желтые, как желток, а над ними небо синее, как опрокинутое море. А когда начинается весна, я вообще с ума схожу.

Ольга Александровна *(входя).* Ради Бога, про-

стите, Федор Федорович, но я должна была ему завязать галстук.

Лена. Тетя Оля, я тебя никогда еще не видела такой.

Ольга Александровна. Ничего, теперь будешь видеть.

Иванов *(вставая).* Ольга Александровна! *(Указывая на елку.)* Во-первых, примите мой всегдашний дар!

Лена. Сам срубил, приторочил на спину, и сам вез на лыжах двенадцать километров!

Ольга Александровна. Спасибо, милый Федор Федорович!

Иванов. А во-вторых, разрешите…

Ольга Александровна *(перебивая его).* Я вас не пущу.

Иванов. Вы же знаете, меня нельзя не пустить. Ну, дайте вашу руку!

Ольга Александровна подает ему руку, он целует ее и, молча поклонившись Лене, выходит. Ольга Александровна, провожая его, стоя в дверях передней, машет ему рукой. Слышно, как захлопнулась входная дверь.

Лена. А знаешь, тетя Оля, что мне сейчас вдруг пришло в голову?

Ольга Александровна. Что?

Лена. Федор Федорович так внезапно и так… грустно ушел… Ты ему никогда не нравилась?

Ольга Александровна. Как тебе сказать?.. Двадцать три года назад, когда мне было семнадцать, а ему тридцать один, он неудачно объяснился мне в любви. Но это было так давно. У него жена, дети-студенты…

Лена. А потом никогда?

Ольга Александровна. Ты плохо знаешь людей, Лена. Такие люди, как Федор Федорович, никогда не объясняются в любви по два раза.

Лена. Где отец?

Ольга Александровна. Он поехал на междугороднюю станцию.

Лена. Зачем? Звонить Окуневу?

Ольга Александровна. Да, Окуневу. Откуда ты знаешь это?

Лена. Я все знаю.

Ольга Александровна. Он решил не говорить тебе и потребовал того же от меня…

Лена. А сегодня ночью сам вдруг поднял меня с постели и рассказал все. Он волновался, что нет ответа на все четыре телеграммы, и ночью поехал на междугороднюю звонить Окуневу. Но не дозвонился.

Ольга Александровна. Что ты обо всем этом

думаешь?

Лена. Ночью он был так взволнован и одновременно и зол и несчастен, что мне в первую минуту стало жаль его. Но сегодня я думала весь день, и здесь, конечно, нет места для жалости. Если странное молчание Окунева сегодня не кончится, завтра надо принимать меры. Может быть, ехать.

Входит ***Трубников.***

Ну?

Трубников. Не дозвонился. Телефон молчит, как проклятый. Буду опять звонить ночью. Я заказал разговор сюда. Не понимаю, что с ним там случилось?

Ольга Александровна. Сережа, прилетел Андрей Ильич.

Трубников. Где он?

Ольга Александровна. Ел, мылся с дороги, сейчас переодевается. Ты должен сейчас же посоветоваться с ним, как быть дальше.

Трубников. А ты ему еще не говорила?

Ольга Александровна. Нет.

Трубников. Ну и не говори пока.

Ольга Александровна. То есть как не говорить?

Трубников. Отложи этот разговор до завтра. Я

убежден, что сегодня ночью дозвонюсь, все разрешится к вашему общему удовольствию, и тогда — пожалуйста. А если ты ему скажешь сейчас, то он немедленно начнет распиливать меня на шестнадцать частей.

Ольга Александровна. А почему ты боишься говорить с ним об этом? Ты же до сих пор считаешь, что только поддаешься нашим предрассудкам, а морально прав ты. Так воюй с открытым забралом!

Трубников. Хорошо, буду воевать с открытым забралом, но завтра, а сегодня прошу, наконец требую оставить меня в покое.

*Входит **Макеев**. Это среднего роста, заметно начинающий полнеть человек лет сорока семи-сорока восьми. Он в домашних туфлях, шерстяной фуфайке. У него мокрые после купанья волосы и румяное, раскрасневшееся лицо. Словом, в эту минуту у него вид совершенно всем довольного и счастливого человека.*

Макеев. Здравствуйте, Сергей Александрович!

Жмут друг другу руки, целуются.

Трубников. Здравствуй, зятюшка!

Макеев. Здравствуй, Сережа!.. Нет, все еще не привык как-то. Здравствуйте, Сергей Александрович!

Трубников. Здравствуйте, Андрей Ильич!

Макеев *(поворачиваясь к Лене).* А это, очевидно, Лена? Здравствуйте, Лена. Я ваш дядя. Можно вас поцеловать?

Лена. Можно.

Макеев. Ну вот. Ничего, садитесь. Я сегодня без почетного караула. *(Ольге Александровне.)* Очевидно, я тебя все-таки люблю.

Ольга Александровна. Из чего ты это заключил?

Макеев. Потому что нет человека, который бы так не любил летать, как я.

Ольга Александровна. И который только бы и делал, что летал.

Макеев. Что поделаешь! Мне всегда не хватает именно четырех дней на поезд. Не больше и не меньше. Ох, до чего же хорошо сидеть наконец здесь, в неподвижном кресле, без воздушных ям, смотреть на вас и слушать вас!..

Трубников. А самому говорить не хочется?

Макеев *(Ольге Александровне).* Твой брат, кажется, намекает на то, что я люблю поговорить?

Ольга Александровна. По-моему, да.

Макеев. Нет, не хочется. У меня сейчас слишком блаженное состояние.

Трубников. Прямо сюда или через Москву?

Макеев. Через Москву. Вызвали туда, но удалось сэкономить три дня.

Трубников. Зачем вызывали?

Макеев. На коллегию, с окончательным проектом комбината «Энергострой». Увязывали до конца все и со всеми, даже с проектировщиками воздушных трасс и метеорологами.

Трубников. Увязали?

Макеев. В конце концов увязали, хотя по ходу дела кое-кто из них вдруг порадовал нас такими неожиданностями, что волосы встали дыбом.

Трубников. Выяснили, что переместился Северный полюс?

Макеев. Нет, совсем из другой оперы. Забыли, что в мире существуют два мира, две системы.

Трубников. Да ну?

Макеев. Честное слово. И, представьте себе, это не отсталые продавцы газированной воды из бывших кустарей и не престарелые дворники, не успевшие ликвидировать неграмотность, а люди вполне интеллигентные и ученые. Классический случай выпадения памяти. Забыли о существовании капитализма. Был-был, говорят, а потом куда-то делся!

Трубников. Однако какое это имеет отношение к метеорологии?

Макеев. В данном случае самое прямое. Но не стоит об этом сегодня. Когда-нибудь потом. Слишком длинно и слишком противно.

Трубников. Даже противно? Это интересно. Может, все-таки расскажете?

Ольга Александровна. Да оставь ты его в покое.

Трубников. Почему же? Последние дни, не без твоего участия, меня поневоле начали интересовать подобные вещи.

Макеев. Вещь, в общем, нехитрая. На коллегии вдруг обнаружилось, что некоторые наши метеорологи, в порядке взаимной научной информации, вознамерились все сведения по Сибири о наиболее метеорологически благоприятных воздушных трассах отправить в американский метеорологический институт, — пусть посмотрят, как мы далеко зашли в изучении климата Сибири и как мы двигаем вперед мировую науку! Ну, а американцы, не будь дураки, пронюхали и срочно запросили эту информацию. И сами первые прислали в пяти пышных футлярах свои исследования о циклонах над Флоридой в последней четверти девятнадцатого столетия. Или что-то в этом духе. Словом, попытались всучить нам свои сугубо исторические циклоны и обмен

на наши сугубо современные сведения о воздушных трассах через Сибирь. *(Смеется.)*

Трубников. Что же тут смешного?

Макеев. Если бы у них это вышло — ровно ничего. Но эта научно-разведывательная операция им, к счастью, не удалась.

Трубников. Научно-разведывательная… Отвратительно, когда эти два слова соединяются вместе! Неужели вы думаете, что в этом американском метеорологическом институте нет просто честных ученых, которые…

Макеев *(прерывая).* Вот именно. Точь-в-точь это и говорили в свое оправдание наши политические младенцы из метеорологической службы. Буквально в тех же выражениях.

Трубников. Хорошо, пусть я тоже буду политическим младенцем, но все-таки ответьте мне на мой вопрос.

Макеев. Честные ученые? Конечно, есть. Но с ними ли мы имеем дело? К сожалению, круг вопросов, которыми оттуда в последнее время интересуются, до странности совпадает с кругом вопросов, которыми может интересоваться американская разведка.

Трубников. Ну, хорошо. Предположим, с этими трассами. Но все-таки международный обмен

теоретическими исследованиями должен существовать или нет? Ответьте мне прямо и честно. Мне важно это.

Макеев. Конечно. Они же нам прислали историю своих циклонов над Флоридой.

Трубников. Вот видите, прислали же? А мы?

Макеев. Ну, а мы можем в ответ послать историю наших суховеев Саратовской губернии. Что вы машете рукой? Это как раз весьма серьезный труд, открывающий новые теоретические проблемы. Теоретические. Понимаете?

Трубников. Не знаю. Я не метеоролог.

Макеев. А для этого не надо быть метеорологом, достаточно быть просто политиком.

Трубников. Ну, а я и не политик.

Макеев. Как же так? Коммунист, а не политик?

Трубников. Не ловите меня на слове. Ученый я тридцать лет, а коммунист с начала войны. И политик — слишком большое понятие, чтобы я имел право считать себя политиком.

Макеев. Это не только право, это обязанность.

Трубников. Хорошо, не будем сейчас спорить об этом. Я хочу только сказать, что если желание войти со своими открытиями в большой мир, в мировую науку считать смешным, то можно незаметно для себя превратиться в провинциалов.

Макеев. А если считать свою страну провинцией, мой дорогой, то можно быстро и незаметно для себя превратиться в шаркуна перед заграницей. Я, конечно, не о тебе. Но, вообще-то говоря, что за отвратительная традиция, которую за тридцать лет советской власти нам, интеллигентам, все еще не удалось до конца выбить из себя, — традиция считать себя какими-то бедными родственниками заграницы и бегать туда за похвальными листами!

Ольга Александровна. Ну, в известной мере тут есть в нас, в русских, что-то, как говорится, врожденное, то, с чем приходится внутри себя бороться, то, что идет от старого.

Макеев. Что от старого — да, а что врожденное — неправда, ложь! Идея своей неполноценности, второсортности никогда не была врожденной в русском человеке. Она долго и искусственно вдалбливалась извне, из-за границы: из Германии, из Франции, из Англии — откуда хотите, отовсюду, откуда было выгодно вдолбить в нас эту идею. А врожденного в ней нет ни на копейку.

Трубников. Пришел, увидел, победил! Всем досталось на орехи. Теперь тебе остается только прочесть нам лекцию на входящую ныне в моду тему о низкопоклонстве. А так как я начну с

тобой препираться, то сразу зачислить меня по этому разряду.

Макеев. Что-то ты сегодня уж больно задираешься!

Трубников. Стало быть, зачислишь?

Макеев. А что же? Заслужишь — так и зачислю.

Трубников. Дудки! Не выйдет! Уж в чем я не грешен, в том не грешен. Ношу отечественный костюм, не держу американского холодильника и вполне доволен своим радиоприемником минского завода.

Макеев. А разве низкопоклонство заключается в том, чтобы любить заграничные холодильники или штаны? Есть, конечно, люди, которые готовы умиляться хоть ночному горшку, если он заграничный, но это больше смешно, чем грустно. Нет, голубчик, есть другое низкопоклонство, серьезное, от которого, кстати сказать, и ты не свободен. Оно заключается в том, что люди думают, что тот, враждебный нам мир гораздо благороднее, чем он есть; считают людей из того мира способными на гораздо более высокие побуждения, чем те, на которые они способны; считают их мнимую свободу действительной, их проданную капитализму совесть — чистой, а

их беззастенчивую рекламу своих достижений, талантов и умственных способностей — правдивым зеркалом их жизни. И поэтому умиляются, когда получат письмо от этих «сверхчеловеков», и, вырезав, чуть ли не вешают на стену строчки из паршивого заграничного журнала. И кто это иногда делает? Ученые с мировым именем!

Трубников. Только не забывайте, что мировое имя — это и есть четыре строчки в одном паршивом журнале, еще четыре строчки в другом, еще четыре строчки в третьем — это и есть мировое имя!

Макеев. Неправда. Настоящее имя, заработанное у нас, в Советском Союзе, по одному этому уже есть мировое имя! А все эти строчки в заграничных журналах — это только примечания к мировому имени советского человека. Сергей Александрович, дорогой мой, вы помните вашу лабораторию двадцать пять лет назад? На четвертом этаже, в коридоре, в закутке медицинского факультета… Помните или нет? Я, например, помню. Ну, помните?

Трубников. Припоминаю.

Макеев. А теперь одиннадцать корпусов, триста сотрудников!

Ольга Александровна. Триста сорок!

Макеев. И, главное, что вы делаете? С чего вы начинали тогда и к какому размаху пришли сейчас? Как же вам не стыдно даже косвенно пытаться защищать этих дурачков, о которых я вам рассказывал?

Трубников. А я их не защищаю, что мне до них? Я защищаю только Науку с большой буквы. Да, да. И ее права!

Макеев. Какой науки? Нашей?

Трубников. Всякой.

Макеев. Наша наука — это вы, я *(кивая на Ольгу Александровну)*, она. По-моему, пока нет нужды защищать науку от нас самих. А защищать права той науки, на Западе, вы опоздали.

Трубников. Почему?

Макеев. Потому что у нее уже нет прав, у нее остались только одни обязанности по отношению к своим хозяевам.

Трубников. К каким хозяевам?

Макеев. К империалистам — уж простите меня за мое примитивное мышление. И знаешь, что, Сережа?

Трубников. Что, Андрюша?

Макеев. Не обидишься?

Трубников. Постараюсь.

Макеев. Мне вдруг показалось, что ты сейчас

стал тем, что двадцать пять лет тому назад, когда я был комсомольцем, мы называли «отсталым» элементом. *(Рассмеявшись, Ольге Александровне.)* Честное слово, он просто отсталый элемент!

Трубников *(вставая).* Знаешь, передовой элемент, ты меня извини, я пойду к себе.

Макеев. Обиделся?

Трубников. Нет, я пойду немножко почитаю, поработаю над собой, перед тем как продолжать наш разговор. *(Улыбнувшись.)* Нет, серьезно, нужно посмотреть кое-какие дела и позвонить в институт. Лена, пожалуйста, переключи телефон ко мне. *(Похлопывая Макеева по плечу.)* Ничего, за ужином продолжим. Замечательная сухарная водка есть. Сильно рассчитываю, что после употребления ее подобреешь. *(Выходит.)*

Макеев *(подмигнув на дверь, в которую ушел Трубников, Лене).* Здорово я ему вмазал?

Лена. Здорово!

Макеев. Вы его, наверное, все тут хвалите, по шерстке гладите. А я ему раз в год, как касторка...

Лена *(рассмеявшись).* А знаете, что, я тоже пойду.

Ольга Александровна. Куда?

Лена. Я так увлеклась вашим спором, что со-

вершенно забыла, что до сих пор сижу в лыжных штанах. *(Выходит.)*

Макеев. Ах, Оля, Оля, все вы тут твердите: провинция, провинция! А у вас в провинции громадный институт, и делаете вы громадное дело. И у меня тоже в провинции громадное строительство, громадные изыскания. А через полгода, когда кончу, будут опять громадные изыскания, и тоже в провинции. Нет, у вас здесь не провинция! И институт ваш — не провинция. А просто у вас, за пределами ваших микробов, в каких-то очень важных вещах осталось провинциальное мышление, и вот тут уж верно, где провинция, так провинция… *(Пауза.)* Кстати, тебя не интересует, где я буду производить свои следующие изыскания?

Ольга Александровна. Где?

Макеев. Здесь, в шестидесяти километрах отсюда. Станция Нефедово известна вам? Я буду проектировать там громадный гидроузел.

Ольга Александровна. Честное слово?

Макеев. Честное слово министра.

Ольга Александровна. При чем тут министр?

Макеев. При том, что министр дал мне честное слово, что именно я буду проектировать этот гидроузел, когда кончу свою работу. Довольна?

Ольга Александровна целует его.

То-то! Я отстаивал на коллегии необходимость именно своего участия в проектировке здесь гидроузла с таким жаром, что министр мне потом сказал, что в моей речи звучал оттенок некоторой личной заинтересованности.

Ольга Александровна. А ты что ответил?

Макеев. Я ответил, что да, что мне пора жить в одном городе с тобой.

Ольга Александровна. А он?

Макеев. Рассмеялся. Он умный человек. Ведь только дураки создают у нас обязательные конфликты между любовью и долгом тогда, когда в этом нет никакой нужды. Разве я не буду еще лучше работать в одном городе с тобой?

Ольга Александровна. Ну, положим, не в одном городе.

Макеев. Ну, за шестьдесят километров. Я заведу «У-2», буду летать к тебе.

Ольга Александровна. Ты же не любишь летать.

Макеев. Так я полюблю. *(Вставая.)* Прежде чем добрался до министра, до смерти переругался с одним из его замов.

Ольга Александровна. Из-за чего именно?

Макеев. Именно из-за этого. Чертов сухарь!

(Изображая.) «Трудности отдаленного пояса утомили? Семейной обстановочки захотелось?» Нет, говорю, не утомили! Да, говорю, захотелось! Честное слово, ненавижу до судорог эдакие постные физиономии, которые видят главную доблесть нашей эпохи в непременном мученичестве, и утверждаю, что нет ничего более чуждого нашему духу, чем эти люди и их взгляды.

Ольга Александровна. Ты всегда, как пороховая бочка: весь набит неожиданностями и новостями.

Макеев. И, главное, взрываюсь без фитиля.

Входит ***Лена.***

(Беря Лену за руку.) Слушайте, Лена, ну можно ли не быть сейчас пороховой бочкой?

Лена. Почему «пороховой бочкой»?

Макеев. Это я продолжаю разговор, — в общем, неважно, — но скажите, как можно сейчас, в наше время, сидеть за одним своим делом, уткнувшись в него носом, и не волноваться по поводу всего, что происходит в мире? Вот вы были в Европе. Ведь мы же вошли туда как открытие, как новая планета, как что-то такое громадное, о чем раньше только догадывались. И вдруг разверзлись границы — и мы явились! Вы чувствовали там, что стоит за вами, или не чувствовали?

Лена. Конечно, чувствовала. *(Пауза.)* Правда, я была там всего только простым врачом, у которого всегда было очень много своих повседневных дел…

Макеев. Повседневные дела… Но врачом-то со своими повседневными делами где вы были? В армии, которая освободила человечество. Где вы последних раненых перевязывали? В Берлине. А? Вот вам ваша повседневность! *(Остановившись, улыбаясь.)* Я, наверное, кажусь вам очень шумным человеком?

Лена. Немножко.

Из кабинета выходит ***Трубников****. Он внешне подчеркнуто холоден и спокоен, что свидетельствует у него о крайней степени взволнованности.*

Трубников. Я скоро вернусь.

Ольга Александровна. Куда ты?

Трубников. В институт. Там есть срочное дело.

Ольга Александровна. Что-нибудь случилось?

Трубников. Потом. *(Идет к двери.)*

Ольга Александровна. Вызови хоть машину.

Трубников. Она уже здесь, ее выслали за мной. Я скоро вернусь. *(Выходит.)*

Лена. Неужели что-нибудь плохое с Рыжиком?

Ольга Александровна. С ним ничего не может

быть, успокойся.

Лена. Нет, я не могу, я догоню отца. *(Выбегает.)*

Макеев. О чем речь? Что это за Рыжик?

Ольга Александровна. Рыжик — это Григорий Иванович Рыжов. Я тебе говорила, что он сейчас…

Макеев. Да. Я знаю. А что, есть причина для волнений?

Ольга Александровна. Я считаю, что нет.

Макеев. А Лена считает, что да?

Ольга Александровна. Нет, она тоже считает, что нет, но тем не менее волнуется.

Макеев. Любит?

Ольга Александровна. За те пять дней, что он там в изоляторе, мне показалось — да. Впрочем, они не виделись почти пять лет, и трудно сказать, что тут придуманное и что настоящее.

Макеев. Во всяком случае, выбежала она сейчас по-настоящему.

Лена *(входя).* Не догнала. Тетя Оля, что это может быть?

Звонок телефона.

Ольга Александровна *(берет трубку).* Да, да… Сколько?.. Да… Конечно… Хорошо. Посоветуемся. *(Кладет трубку.)* Это Сергей Александрович. Он сейчас приедет.

Лена. А что такое?

Ольга Александровна *(колеблясь, смотрит на нее, потом говорит спокойно).* Скрывать от тебя было бы глупо. У Григория Ивановича вдруг поднялась температура. Он убежден, что это — простое совпадение, но тем не менее к нему в изолятор нужно будет немедленно отправить врача. Отец хочет заехать и посоветоваться со мной, кого.

Общее молчание.

Боюсь, что он намеревается сделать это сам.

Макеев. А что, на твой взгляд, это будет неверно?

Ольга Александровна. Неверно.

Макеев. Почему?

Ольга Александровна. Потому что если на секунду предположить, что это чума, то это одинаковый риск для всякого врача, который будет там. Но если это совпадение, и он, находясь там, просто заболел чем-нибудь другим — что во сто крат вероятней, — то глупо, если его будет лечить Сергей Александрович, бактериолог, который тридцать лет, с университета, не лечил ни одного больного. *(Лене.)* Что ты на это скажешь?

Лена. Ничего.

Ольга Александровна. К сожалению, я не го-

жусь для этого тоже и по тем же причинам. Туда надо послать просто опытного лечащего врача. *(Лене.)* Верно?

Лена. Очень верно, я с тобой совершенно согласна. *(Выходит из комнаты и быстро возвращается с маленьким чемоданчиком в руках.)* Докторский чемоданчик я беру с собой, а полотенце и прочую мелочь я тебя попрошу собрать в мой желтый саквояж и до ночи прислать ко мне.

Ольга Александровна. Я имела в виду не тебя.

Лена. А я имела в виду себя. У тебя есть какие-нибудь причины возразить мне?

Ольга Александровна молчит.

Война сделала меня достаточно опытной. Через мои руки прошли тысячи больных. Будет еще один — человек, которого я люблю, которого я не пыталась увидеть, пока мне говорили: «Нельзя», и к которому сейчас пойду я, раз кто-то должен пойти.

Ольга Александровна. Подожди хоть отца.

Лена. Я спущусь вниз и подожду его в подъезде, а то он может отправить машину.

Ольга Александровна. Он не пустит тебя.

Лена. Пустит. *(Пауза.)* Только одна просьба. Я хочу быть там спокойной, и поэтому…

Ольга Александровна. Что?

Лена *(взглянув на Макеева).* Поэтому ты должна сейчас же рассказать Андрею Ильичу все, что здесь произошло с отцом. Я не могу спокойно уйти, если *(Макееву)* вы тоже не будете знать этого. Я вас еще мало знаю, но верю вам. *(Ольге Александровне.)* И не завтра, а сейчас же. Обещай мне.

Ольга Александровна. Обещаю.

***Лена** пожимает руку ей, потом Макееву и уходит. **Ольга Александровна** провожает ее в переднюю и возвращается.*

Макеев. Это опасно?

Ольга Александровна. Наша прививка не могла отказать.

Макеев. Ну, а если это все-таки чума?

Ольга Александровна. Ну, а если все-таки чума… то чума — это все-таки чума… Но повторяю, я в это не верю.

Молчание.

Макеев. Что у вас случилось? О чем она просила тебя рассказать мне?

Ольга Александровна. Об этом тяжело говорить. Я хотела отложить до завтра. Ну, хорошо, давай сядем… Или нет, ты сядь, а я буду ходить, мне так легче. Дело очень простое. Полгода назад Сергей Александрович по просьбе своих американских коллег отправил в Америку тео-

ретическое обоснование наших десятилетних опытов — свою книгу.

Макеев. Вашу книгу?

Ольга Александровна. Он отправил ее без моего ведома, сказал мне об этом уже потом, и когда я стала возражать ему, оскорбил меня так, что я дала себе слово никогда больше не говорить с ним об этом.

Макеев. Глупо все, с начала и до конца. Но почему ты говоришь об этом сейчас?

Ольга Александровна. Потому, что пять дней назад он отправил туда же и первую часть технологии.

Макеев. По которой уже можно готовить ваши прививки?

Ольга Александровна. Нет, прививки можно будет готовить только по второй части технологии. В первой части отражена лишь предварительная часть нашей работы — технология усиления микробов.

Макеев. То есть как усиления?

Ольга Александровна. То есть подготовительная опытная часть, когда мы усиливали микробов до наивысшей заразности. Мы сначала научились делать это и только после этого и через это пришли к нашему нынешнему умению

ослаблять микробов. По первой части технологии нельзя приготовить наших препаратов для прививки, но знание ее сокращает путь дальнейших исканий по крайней мере на несколько лет.

Макеев. О каком пути ты говоришь? Или я сумасшедший и неверно вас понимаю, или сумасшедшие вы. Кому он передал это? Когда? Где эта технология сейчас?

Ольга Александровна. Подожди, не волнуйся. Я сама встревожилась и заставила его, пока эта технология еще в Москве, потребовать вернуть ее.

Макеев. Ну?

Ольга Александровна. И пока это еще не удалось.

Макеев. То есть как не удалось?

Входит Трубников.

Ольга Александровна. Ты встретил Лену?

Трубников. Да.

Ольга Александровна. Ты согласился?

Трубников. Да, я согласился. Если не иду я или ты, то пусть, по крайней мере идет моя дочь. У него уже тридцать восемь и шесть.

Пауза.

Ольга Александровна. Я рассказала все Андрею Ильичу.

Трубников. Что — все?

Ольга Александровна. Все, что ты просил не рассказывать до завтра.

Трубников. Спасибо. Мне только этого сегодня не хватало!

Макеев. Я хочу спросить вас…

Трубников *(садясь, насмешливо).* Слушаю вас, товарищ следователь. Что вы хотите у меня спросить?

Макеев. Кому вы отдали эту вашу технологию?

Трубников. Человеку, которого вы должны помнить еще с университета: Окуневу. Он привез мне письма из Америки, и я просил его…

Макеев. Что же, он опять едет в Америку?

Трубников. Нет, он должен передать эту рукопись одному из членов американской медицинской делегации, которая сейчас в Москве. Впрочем, он еще посоветуется.

Макеев. С кем?

Трубников. Не знаю, это его дело. Я хотел послать без всяких советов.

Макеев. Ниже вашего достоинства?

Трубников. Да.

Макеев. Однако вы…

Трубников. Однако я передумал и решил не посылать этого в Америку. То есть, чтобы быть

честным до конца, я по-прежнему считаю, что я как ученый имею на это право. Но мои родственники и друзья подняли здесь такой шум, что теперь я предпочитаю не связываться с этим. Я уже отправил Окуневу несколько телеграмм, чтобы он вернул рукопись. К сожалению, пока почему-то нет ответа. Не дозвонился и по телефону. Буду еще звонить, сегодня ночью. И давайте оставим эту тему. Честно говоря, все это мне отчаянно надоело.

Ольга Александровна. Чем больше я думаю, тем больше не понимаю, как ты мог решиться на это так опрометчиво, так легкомысленно и, прости меня, даже глупо.

Трубников *(вставая).* Ну, это уж слишком!

Макеев *(поднимаясь ему навстречу).* Если слишком, то только слишком мало! То, что вы сделали, это не опрометчивость, не легкомыслие и не глупость. То, что вы сделали, то, что, я надеюсь, вы еще не успели сделать, — государственное преступление.

Трубников. Что?!

Макеев. То, что я говорю. Вы своими руками хотели передать в чужую страну секрет государственной важности. А может быть, уже и передали?

Трубников. О каких секретах идет речь? Даже если согласиться с вами, что я не должен был это делать, то все-таки о каких секретах, позвольте спросить, идет речь? Я хотел передать только первую часть своей технологии, в которой нет ровно никаких секретов. Я дал только технологию усиления заразности микробов, но я не дал дальнейшего — технологию ослабления их для прививок.

Макеев. Дальнейшего? А им и не нужно дальнейшего. Им вполне достаточно того, что вы им даете. Вы уткнулись в вашу проблему и вообразили, что во всем мире все только думают, что о спасении человечества от болезней. А там, в их мире, о спасении людей думают в десятую, в сотую очередь, а в первую очередь думают об уничтожении. Об уничтожении нас. Им не нужны ваши прививки. А если и нужны, то не для спасения человечества, а для выколачивания из него денег, что они уже успешно делают со всеми своими пенициллинами и стрептомицинами и что сделали бы и с вашими прививками, попади и они им в руки. Подарить ваше открытие этим торгашам — уже преступление перед государством. Как вы не понимаете? Но вы решились сделать вещь во сто раз худшую: ваш метод приготовле-

ния чудовищно заразных микробов, который для вас только теоретическая ступень, для них будет их военной практикой! Слепой вы человек!

Трубников. Надо быть поистине сумасшедшим, чтобы в голову могла прийти возможность такого чудовищного применения науки!

Макеев. Надо быть поистине сумасшедшим, чтобы это в голову не пришло! Вы что, хотите их мерить на наш образец и заставить их подчиняться нашим нормам морали?

Звонок телефона. Трубников берет трубку.

Трубников. Да. Я скоро вернусь… Да, разрешил. Допустите ее к нему… Какая температура?.. *(Кладет трубку.)* Температура все поднимается.

Макеев. Что собой представляет Окунев?

Трубников. Вы же его знали.

Макеев. Сейчас? Вашу книгу отвозил он?

Трубников. Да.

Макеев. Привез письма и взял технологию. Ну, хорошо, вы уперлись в одну точку и ничего не видели кругом. Ну, а он-то?

Ольга Александровна. Меня тревожит то, что и телеграммы и телефон…

Трубников. Ну, тут возможно просто совпадение.

Макеев. Одно совпадение, другое совпадение…

Трубников. Он глубоко порядочный человек.

Макеев. Да пусть он хоть сто раз порядочный! А вдруг он не получил ваших телеграмм? А вдруг он такой же сумасшедший, как вы, и может посоветоваться с третьим, таким же сумасшедшим? Наконец тысячи случайностей, происходящих с самым порядочным человеком: украли, потерял, забыл в трамвае… И последняя случайность: а что, если он не порядочный человек?

Трубников. Ну и что ж вы предлагаете делать?

Макеев. Что делать? Немедленно ехать, лететь в Москву! Не есть и не спать, пока эта технология не будет у вас в руках.

Трубников. Даже если согласиться в этом с вами, то и я и Ольга Александровна работали на той неделе с чумой. Ни я, ни она не имеем права выехать отсюда раньше, чем через пять дней.

Макеев. Хорошо. Я не работал с чумой, и я, кажется, имею право вылететь. Сейчас же садитесь и пишите мне записку к Окуневу с просьбой вернуть через меня вашу технологию.

Трубников. Ну это — уж вовсе сумасшествие! При чем тут вы? Ничего я вам не буду писать!

Макеев. Садитесь и пишите! *(Ольге Александровне.)* А ты пойди, сложи мой чемодан. Я полечу утром. *(Трубникову.)* Садитесь, пишите.

Трубников. Я не буду вам писать никакой записки.

Макеев. Так я полечу без вашей записки.

Трубников. Вы меня скомпрометируете перед Окуневым. Это будет выглядеть недоверием.

Макеев. А мне наплевать, как это будет выглядеть! Пишите! Для вас же хуже будет, если я приеду к нему без записки. *(Ольге Александровне.)* Ну, иди же, собери чемодан. Я ведь тебя просил.

Ольга Александровна. Утром.

Макеев. Нет, я не могу рисковать. Я поеду на аэродром ночью, до него еще добираться.

Ольга Александровна. А билет?

Макеев. Высажу кого-нибудь. Все равно сяду. Завтра ваша технология будет у меня в руках. Если только… Нет, просто не могу об этом думать!

***Ольга Александровна** выходит.*

(Трубникову.) Вызовите мне машину.

Трубников. Андрей Ильич!

Макеев. Вызовите мне машину! Это же просто глупо! Неужели вы думаете, что я не найду машины без вас?

Трубников *(подходит к телефону, набирает номер).* Гараж… Мою машину. К подъезду… Нет, домой. *(Кладет трубку.)*

Макеев. Через сколько времени она здесь бу-

дет?

Трубников. Через пять минут.

Макеев. Садитесь и пишите!

Трубников *(вынимая блокнот и самопишущую ручку).* В конце концов мне просто неудобно перед тобой. Прилететь сегодня, и... я не могу принять такой любезности...

Макеев. Любезность! Черта с два я бы полетел из любезности к тебе! Я стараюсь спасти дело государственной важности, вот и вся моя любезность. Пиши! Потом сочтемся.

Трубников молча пишет.

(Прохаживаясь по комнате.) Страшно подумать, что у нас люди еще в состоянии делать такие вещи! А еще страшнее, что если все кончится благополучно и если замолчать эту историю с тобой, я боюсь, что через год ты будешь в состоянии ее повторить снова.

Трубников. А ты что, собираешься ее опубликовать?

Макеев. Об этом у нас еще будет время подумать. Кстати, советую и тебе подумать. Мне, например, сейчас вдруг стало просто странно, как ты с твоими взглядами мог пять лет пробыть в партии? Мне это начинает казаться каким-то недоразумением.

Трубников *(отрываясь).* Это мы будем обсуждать не с тобой и не здесь. Знаю только одно, что я дал бы отрубить себе правую руку за то, чтобы завтра же был наконец мир, в котором такие вещи, как мое открытие, только гуманное в сознании всякого не сумасшедшего человека, не могло бы, не имело бы права стать секретным.

Макеев. Такой мир? Мы строим такой мир, а ты тем, что только что сделал, пробуешь нам помешать в этом. *(Молчание.)* Написал?

Трубников. На. Адрес и телефон на обороте.

Ольга Александровна *(входя с чемоданом).* Сережа, я все хотела тебе сказать... Меня сегодня взволновало еще одно. Я днем на улице встретила профессора Рюрикова, и он мне сказал, что Окунев, который при мне говорил, что приехал по делам к ним в университет, а к нам только мимоходом, им в университете сказал, что он мимоходом к ним, а что дела у него в нашем институте.

Макеев. Час от часу не легче! Ну, что же машина?

Трубников. Вот она, гудит. *(Макееву.)* Прошу тебя об одном: будь поделикатнее с Окуневым. Он тут совершенно ни при чем. И не ставь меня по отношению к нему в двусмысленное положение.

Макеев. На твоем месте я бы меньше всего сейчас думал об этом. Двусмысленное положение перед Окуневым! Скажите пожалуйста, какая трагедия! Ты лучше подумай о своем двусмысленном положении перед правительством, перед теми, кто доверил тебе этот институт! *(Идет к двери. Ольга Александровна за ним.)*

Трубников. Ты тоже?

Ольга Александровна. Да, я его провожу. Я к ночи вернусь. А что?

Трубников. Нет, ничего. До свидания.

Ольга Александровна *и* ***Макеев*** *выходят. Трубников один. Он медленно, в раздумье подходит к телефону, набирает номер.*

Кто это?.. Трубников говорит. Какая температура?.. Так. Моя машина ушла, пришлите мне дежурную. *(Кладёт трубку, опускается в кресло, смотрит на часы. Подходит к роялю, берет термометр, ставит себе подмышку и снова садится в кресло. Стук в дверь.)* Войдите.

Входит ***Саватеев.***

Саватеев. Здравствуйте.

Трубников. Если вы к Ольге Александровне, то она уехала.

Саватеев. Нет, я к вам.

Трубников. Я буду на службе завтра в десять.

(Пауза.) У вас что-нибудь, относящееся к службе?

Саватеев. Да.

Трубников. Надеюсь, все в порядке, животные для завтрашних опытов подготовлены?

Саватеев. Нет.

Трубников. Почему? Я же еще вчера вам приказал подготовить их.

Саватеев. Я впервые в жизни не выполнил вашего приказания.

Трубников *(вставая).* Почему?

Саватеев. Потому, что для этого мне нужно было бы сегодня с утра работать в изоляторе и после этого десять дней не выезжать из города, а я собираюсь завтра выехать.

Трубников. Вот как? Позвольте спросить, куда?

Саватеев. Я узнал от Елены Сергеевны, что вы до сих пор не получили ответа из Москвы.

Трубников. Ну так что ж?

Саватеев. Вы должны дать мне письмо к Окуневу и уполномочить меня получить вашу рукопись. Я долго думал и настаиваю на этом.

Трубников. Вы из дому?

Саватеев. Нет.

Трубников. Из института?

Саватеев. Да.

Трубников. Вы уже знаете, что произошло сегодня с Григорием Ивановичем?

Саватеев. Да, знаю.

Трубников. И все-таки вы хотите завтра ехать! *(Звонок телефона. Трубников берет трубку.)* Выслали?.. Хорошо. Какая температура?.. *(Вешает трубку.)*

Саватеев. Сорок?

Трубников. Да. И вы все-таки хотите ехать?

Саватеев. Да.

Трубников. Семен Никитич, я беру назад те слова, которые сказал у вас дома, уходя.

Саватеев. Не стоит говорить обо мне, Сергей Александрович, слишком все серьезно. *(Пауза.)* Так я поеду, вы только напишите.

Трубников. Вам не нужно ехать, туда уже поехали с моим письмом.

Саватеев. Кто?

Трубников. Муж Ольги Александровны. Садитесь, Семен Никитич. *(Вынимает термометр, смотрит на него.)*

Саватеев. Сколько?

Трубников *(усмехнувшись).* Тридцать шесть и шесть. Садитесь. А пока он съездит, мы с вами останемся здесь и завтра начнем еще один маленький опыт.

Саватеев. Какой?

Трубников. Завтра утром я приступлю к повторению опыта, который сделал Григорий Иванович.

Саватеев. На ком?

Трубников. На себе.

Саватеев. Вы должны подождать, пока не выяснится с ним.

Трубников. Нет, я не буду ждать. Мы договорились с Григорием Ивановичем, что только два человека имеют моральное право сделать это первыми: он и я. Он сделал. Теперь сделаю я. При двух опытах мы исключим случайность. И оба выживем. У нас не могло быть ошибки. Так и он мне сказал час назад, когда я говорил с ним по телефону.

Саватеев. Я тоже верю в это, и все-таки вы обязаны подождать результатов с ним.

Трубников. Я не буду ждать.

Саватеев. Вы неправы!

Трубников. Нет, я прав!

Саватеев. Нет, Сергей Александрович, вы неправы. Вы испугались ответственности и хотите разрубить одним ударом все — и книгу, и рукопись, и это. Вы не имеете права. Что бы ни случилось с Гришей, с вашей рукописью, вы

стоите на пути к спасению людей от болезней, и вы обязаны стоять на своем посту до конца. Вы не смеете делать того, что вы задумали!

Трубников *(вставая).* Уж не вы ли мне запретите или помешаете это сделать?

Саватеев *(тоже вставая),* Да, я. Запрещу вам именем советской власти и помешаю любыми средствами.

Трубников. Вы?

Саватеев. Я.

Трубников устало опускается в кресло.

Занавес

Действие четвертое

Картина пятая

Вечер следующего дня. Москва. Кабинет в квартире Окунева, просторная комната, обставленная простой и удобной мебелях. ***Окунев,*** *одетый по-домашнему, в жилете, без пиджака, который висит сзади него на спинке кресла, работает за письменным столом. Легкий стук в дверь.*

Женский голос. Можно?

Окунев *(не отрываясь от работы).* Войди.

Входит жена Окунева, ***Галина Петровна.*** *Это женщина, которой лет на пять, на шесть больше, чем Окуневу, не столько некрасивая, сколько незаметная, с тихим голосом, тихость которого особенно ощутима рядом с шумным, раскатывающимся басом самого Окунева.*

Что, Галиночка?

Галина Петровна. Я хотела позвонить по телефону Леве.

Окунев. Ну что ж, звони.

Галина Петровна *(подходит к телефону, стоящему на небольшом столике около двери, вставляет штепсель в розетку).* Опять он у тебя выключен.

Окунев. Да, и когда позвонишь, выключи сно-

ва.

Галина Петровна *(набирает номер, слушает, потом кладет трубку).* Никто не отвечает.

Окунев. И выключи.

Галина Петровна. Хорошо. *(Выключает телефон, подходит к письменному столу и садится в кресло.)* Слушай, Витя, это же неудобно.

Окунев. Что неудобно?

Галина Петровна. Выключенный телефон. Может быть, Лева звонил.

Окунев. Если тебе нужно звонить, включай и звони. Мне нужно звонить — я включаю и звоню тому, кто мне нужен. А трескотня мне мешает.

Галина Петровна. Ты же раньше не выключал.

Окунев. Значит, стал более нервным, чем раньше. *(Молчание. Окунев поднимает глаза и видит, что Галина Петровна все еще сидит.)* Ну, что?

Галина Петровна. Я тебе мешаю?

Окунев. Нет, я просто подумал, что тебе что-нибудь нужно.

Галина Петровна. Нет, мне ничего не нужно.

Окунев. Ну хорошо. *(Хочет снова углубиться в работу, но что-то вспоминает.)* Кажется, придется сейчас покормить обедом одного человека. Это возможно без особой возни?

Галина Петровна. Конечно. А кто будет?

Окунев. Так, один… Хотя ты его должна помнить. Макеев. Университетский. Помнишь?

Галина Петровна. Андрей Макеев?

Окунев. Теперь уже, как он отрекомендовался мне, Андрей Ильич, но, в общем, тот самый Макеев. И даже когда позвонил мне на службу, говорил со мной по телефону на «ты». Между прочим, как я недавно узнал, он женат на Трубниковой.

Галина Петровна. На Оле?

Окунев. Да.

Галина Петровна. Ну что ж, дай им Бог счастья, а вообще, боже мой, как грустно! Я вдруг вспомнила время, когда нам всем было меньше на двадцать лет. Даже мне.

Окунев *(привычно).* Ну, ты у меня и сейчас молодец.

Галина Петровна. Не надо, Витя.

Окунев. Что — не надо?

Галина Петровна. Не надо меня гладить, как собачонку. Мне легче даже, когда ты груб со мной. Все-таки какое-то чувство.

Окунев. Тебе не угодишь. *(Снова утыкается в бумаги.)*

Галина Петровна. Витя!

Окунев. Да.

Галина Петровна *(неожиданно твердо).* Брось на пять минут работу. Хочу поговорить с тобой.

Окунев *(откладывая в сторону бумаги).* Ну, что такое?

Галина Петровна. Витя, ты никогда не задумывался, почему дети — и Лева и Маруся — при первой возможности, едва только стали на ноги, поспешили, хоть им и трудно, но жить отдельно от нас с тобой?

Окунев. Говори точнее: от меня.

Галина Петровна. Говорю точнее: от тебя. Почему?

Окунев. Не знаю. Я не думал об этом. Они ушли — пусть они и думают.

Галина Петровна. Они ушли потому, что тебе не было никакого дела до них. А люди не хотят принимать помощь от того, кому нет дела до них. Что ты молчишь?

Окунев. Я слушаю.

Галина Петровна. Мне все чаще тоже хочется уйти от тебя.

Окунев *(усмехнувшись).* Ну, Лева — в общежитие, Маруся — замуж. А ты куда уйдешь от меня? Тоже замуж?

Галина Петровна. Нет, замуж меня теперь никто не возьмет.

Окунев. Ну, так куда же ты пойдешь? Туда, где ты нужней, чем мне? Няней в родильный дом? Воспитательницей сирот или поводырем для слепых? Прости меня, за грубость, но я не выношу глупых разговоров. Скажи мне ясно, чего ты от меня хочешь.

Галина Петровна. Я ничего не хочу от тебя. Просто мне иногда приходит в голову глупая мысль, что у тебя есть какая-то вторая, неизвестная мне жизнь.

Окунев. Вторая жизнь?

Галина Петровна. Да, потому что та жизнь, которой ты живешь у меня на глазах, жизнь, которую я вижу, не может составлять всей твоей жизни.

Окунев. Дальше, очевидно, пойдут обычные семейные упреки: я постарела, а ты еще молодой, наверное, другая женщина… Да?

Галина Петровна. Нет, я не об этом.

Окунев *(вставая, довольно грубо).* Так о чем же? Что тебе нужно в конце концов?

Долгое молчание.

Галина Петровна *(взяв с письменного стола пачку повесток, пригласительных билетов, перебирает их в руках).* Прием в ВОКСе. Выставка английского изобразительного искусства. При-

глашение… Еще приглашение. Ты ни разу никуда не взял меня с собой.

Окунев. Я бы предпочел не только тебя не брать, но и самого себя не брать ни на одну из этих встреч и приемов. Один Бог знает, как я все это не люблю. *(Пауза.)* Ну как, можно мне продолжать работать?

Галина Петровна *(встает).* Почему Макеев? Зачем ему вдруг понадобился ты?

Окунев. Если бы я знал! Прибыл из Сибири. Скорее всего нужны в Москве какая-нибудь помощь или протекция. Университетские товарищи чаще всего вспоминают меня именно по таким поводам.

Галина Петровна. Так что же, подогреть на всякий случай обед?

Окунев. Да, пожалуйста, на всякий случай. *(Встает.)* На всякий случай… на всякий случай… Прекрасная формула. *(Усмехнувшись.)* Тебе кажется, что мне доставляют удовольствие все эти приемы и встречи. Конечно, нет. Но ведь на всякий случай полезно иметь друзей и на том полушарии.

Галина Петровна. Я тебя не понимаю. На какой случай?

Окунев. На всякий. *(Улыбнувшись.)* Шучу, ко-

нечно.

Звонок.

Галина Петровна. Я открою. *(Выходит.)*

Окунев складывает на столе бумаги, встает, надевает пиджак, быстрым взглядом окидывает кабинет, подходит к телефону, включает штепсель.

Голос Галины Петровны. Пожалуйста, сюда.

Входит ***Макеев.*** *Заложив руки за спину, он внимательно разглядывает Окунева.*

Макеев. Окунев?

Окунев. Окунев. Здравствуй, Андрей Ильич.

Макеев. Здравствуй. *(Они пожимают руки и снова смотрят друг на друга.)*

Окунев. Узнал бы?

Макеев. Думаю, да. У меня хорошая память на лица. И потом все тот же бархатный бас.

Окунев. Да, бас сохранился в неприкосновенности, чего нельзя сказать о талии. Мало двигаемся.

Макеев. Много, но сидя. Из чего состоит нынешнее путешествие? Садишься — вылезаешь, опять садишься — опять вылезаешь.

Окунев. Откуда же ты теперь вылез?

Макеев. Из самолета, будь проклята сегодняшняя погода!

Окунев. А где садился? У себя в Сибири?

Макеев. Нет, на этот раз садился в нашей с тобой альма матер. Только вчера имел счастье видеть зеленые крыши того самого университета, из которого мы с тобой выпорхнули, если по отношению к нам еще не противопоказано применять это слово.

Окунев. Подожди, я же там был пять дней назад. Когда же ты…

Макеев. Когда прилетел туда? Вчера.

Долгая пауза.

Окунев. Кстати, поздравляю. Ты ведь молодожен! *(Пожимает ему руку.)*

Макеев. Спасибо.

Окунев. Ну, как поживают Трубниковы?

Макеев. Как тебе сказать? Я их даже не очень успел на этот раз разглядеть.

Окунев. Что же, вызвали, что ли?

Макеев. Да. Сегодня вдруг назначили заседание коллегии с моим вопросом. Только что кончилось.

Окунев. Не повезло. Наверное, Ольга Александровна и Сергей Александрович расстроились?

Макеев. Что до Сергея Александровича, то он, напротив, по-моему, даже был доволен.

Окунев. Что так?

Макеев. Мой срочный вылет дал ему возможность снабдить меня одним попутным поручением. В связи с ним я, кстати сказать, и явился к тебе.

Окунев. А я, грешным делом, думал, что ты вспомнил меня просто так. В чем дело?

Макеев. Дело в рукописи, которую тебе передал Сергей Александрович.

Окунев. Какая рукопись?

Макеев. Технология какого-то их препарата.

Окунев. Ах, вот что… Он тебе рассказал об этом?

Макеев. Да.

Окунев. Смешной человек! Сначала сам делает из всего необычайные секреты, а потом… Он ведь просил меня об этом пока никому не говорить. Поэтому извини, что я переспросил, какая рукопись. Так чего же он хочет?

Макеев. Он просил, чтобы я взял ее у тебя, и так как я завтра, очевидно, лечу обратно к ним, то чтобы я заодно захватил и ее.

Окунев. Странно. Он сам просил, чтобы я тут посоветовался относительно нее.

Макеев. Ну уж тут я не знаю подробностей. Я только знаю, что он что-то передумал и, кажется, посылал тебе телеграммы и даже звонил, но не

дозвонился.

Окунев. Ничего не получал. И как раз последние дни, почти не выходя, сижу дома. Хорошо, я созвонюсь с ним сегодня и попрошу переслать ему через министерство. Рукопись полусекретного характера, и я формально не имею права…

Макеев *(вынимая из кармана письмо).* Мне-то, в общем, все равно, но он написал тебе записку.

Окунев *(разрывает конверт, читает).* Ну, это меняет дело. Вечно у него семь пятниц на неделе. *(Открывает ящик письменного стола, вынимает оттуда рукопись.)* У тебя есть с собой портфель?

Макеев. Нет.

Окунев. Тогда я тебе заверну в газету. *(Берет газету, тщательно свертывает рукопись в трубку.)* На, чтобы сразу покончить с делами. Я, кстати, даже доволен этой запиской. Ты вообще-то в курсе дела?

Макеев. Не очень.

Окунев. У него был один проект, в котором он просил меня помочь ему, но я сказал, что раньше посоветуюсь. Он сейчас пишет, что и советоваться не надо, что он сам отказывается от своего проекта. И прав. Я тем временем тоже пришел к убеждению, что это нужно просто отменить без всяких советов. *(Звонок телефона. Окунев*

подходит к телефону.) Я… Что? Встречу с американцами?.. Придется разрешить… Да, я согласовал сегодня. Давайте в среду. Часов в семь. Только вот что, у нас там профессор Селиванов — слишком добрая душа и идеалист, так что я для верности приеду сам… Ничего, что ж поделаешь? До свидания. *(Садится в кресло.)* Очередная делегация. И некоторые ее члены упорно хотят посетить один имеющий ко мне отношение институт, который бы вовсе не должен был их интересовать. Посоветовался — сказали: ладно, пусть посетят, только… В общем, тебе понятно.

Макеев. Понятно.

Окунев. Прости, одну минуту. *(Перевертывает страницы настольного календаря, берет карандаш, записывает.)* Среда, семь часов. Институт микробиологии. Приходится быть настороже. Разные люди приезжают, и хорошие, и плохие. Да и у нас тоже разные попадаются. Бывают идеалисты, которые хлопают ушами и готовы за любезную улыбку рассказать все на свете. А бывают изредка и такие, что на всякий случай приобретают себе друзей и покровителей. Тут недавно один наш профессор дошел до того, что когда я его упрекнул в вилянии хвостом перед иностранцами, он не нашел ничего лучшего, как,

цинично улыбнувшись, заявить мне: «А что же, на всякий случай полезно иметь друзей и на том полушарии». Каков подлец, чтобы не сказать хуже! А?

Стук в дверь.

Пожалуйста.

Входит ***Галина Петровна****. Пауза.*

Окунев. Вы уже познакомились? То есть я хотел сказать, вы заново познакомились?

Галина Петровна. Нет.

Макеев *(вглядываясь в нее).* Боже мой, Галина! Вы же мне открыли дверь, а я вас не узнал. Как же так? *(Подходит к ней, пожимает ей руку.)* В свое оправдание скажу, что у вас не очень-то светло в передней.

Галина Петровна. Можете сказать в свое оправдание еще и то, что я не очень-то похожа на ту, что была… Хорошо, что вы по крайней мере честно молчите. А я вас узнала.

Макеев. А я как раз хотел спросить Виктора Борисовича о вас.

Галина Петровна. Что же у него обо мне спрашивать? Он обо мне ничего не знает.

Окунев. То есть как?

Галина Петровна. Так. Не обращайте внимания, Андрей Ильич, это я проявляю свой

сварливый характер. Вы помните, когда я была еще библиотекаршей у нас в университете? У меня уже тогда был плохой характер: не давала больше двух книжек сразу.

Макеев. А мы очень возмущались и завидовали ему *(кивает на Окунева)*, потому что для него вы делали исключение.

Галина Петровна. Да, и в конце концов это плохо кончилось.

Макеев. По-прежнему работаете или бросили?

Галина Петровна. Бросила. Сейчас, когда дети большие, опять работаю в библиотеке. *(Улыбнувшись.)* В общем, как говорит Виктор, не сделала карьеры.

Окунев. Я этого не говорю.

Галина Петровна. Ну, думаешь. Впрочем, воспитала двух детей. Кажется, хорошо. *(Окуневу.)* Витя, я зашла попросить Андрея Ильича пообедать у нас.

Макеев. Большое спасибо, но я час назад обедал.

Окунев. Можно бы, конечно, завтра… но ты, кажется, сказал, что летишь?

Макеев. Да, я лечу.

Окунев. Именно завтра?

Макеев. Именно завтра. *(Встает.)* И ты меня

извини, но мне нужно сейчас же поехать в аэропорт, пока не поздно что-нибудь организовать с билетом.

Окунев. А машина у тебя есть?

Макеев. Есть, мне дали.

Окунев. Нет, как-то глупо…

Макеев. Что?

Окунев. То, что мы даже не посидели толком. Сколько ты провозишься с билетом?

Макеев. Часа два.

Окунев. Может быть, заночуешь у меня?

Макеев. Спасибо. Я уже остановился в «Метрополе».

Окунев. Какой номер?

Макеев. Сорок два.

Окунев. Давай так: я через два часа заеду за тобой, и мы поужинаем у вас в ресторане. А засидимся, так прямо провожу тебя на аэродром. Идет?

Макеев. Идет. Тогда я не прощаюсь. *(Галине Петровне.)* С вами?

Галина Петровна. Со мной прощайтесь. Я вам плохой компаньон.

Окунев. Рукопись не забудь.

Макеев. Нет, я помню. *(Берет со стола сверток с рукописью и выходит.)*

***Окунев** и **Галина Петровна** провожают его. На несколько секунд сцена пуста, Потом они оба возвращаются. Окунев устало опускается в кресло.*

Галина Петровна. Что с тобой? Он тебя чем-нибудь расстроил?

Окунев *(подходит к висящему на стене зеркалу, смотрит на себя).* Разве у меня такой вид?

Галина Петровна. Да. Впрочем, все равно. За последние годы я уже привыкла, что ты ничем не хочешь делиться со мной.

Окунев. Ну, сядь, посиди со мной. Мне в самом деле как-то не по себе сегодня.

Галина Петровна. Тебя что-то встревожило? Да?

Окунев. Нет, ничего. Просто как-то не по себе. Бывает ведь так. *(Пауза.)* Ты ведь меня все-таки любишь, а?

Галина Петровна. Все-таки да, хотя последнее время и не понимаю, за что. У меня одна жизнь, у тебя другая, и они почти ни в чем не сходятся.

Окунев. Но все-таки да?

Галина Петровна. Все-таки да.

Окунев. Если бы мне вдруг пришлось поехать куда-нибудь на край света, ты бы поехала за мной?

Галина Петровна. Что значит на край света?

Окунев. Боже мой, мало ли краев света! Скажем, в Колыму… *(После паузы.)* Или в Калифорнию, не все ли равно? В общем, поехала бы на край света?

Галина Петровна. Не знаю.

Молчание.

Окунев. Может, мы вместе заедем к Макееву?

Галина Петровна. Нет.

Окунев. Почему?

Галина Петровна. Во-первых, ты уже сказал ему, что заедешь ты, а не мы, а во-вторых, я очень устала за эти дни.

Окунев. Почему?

Галина Петровна. И ты еще спрашиваешь? Четыре вечера ты меня заставлял перепечатывать нуднейшую рукопись о каких-то микробах и говорил, что это срочно и что это почему-то должна печатать непременно я. А сегодня, когда я сделала тебе это, ты спрашиваешь, почему я устала.

Окунев. Прости, пожалуйста, но мне это в самом деле было очень нужно.

Галина Петровна *(после паузы).* Ты будешь работать?

Окунев. Да. Но я выпил бы с тобой чаю.

Галина Петровна. Хорошо, я сейчас приготовлю. *(Выходит.)*

После долгого молчания Окунев подходит к телефону, набирает номер.

Окунев. Алло… Это говорю я… Да, все успел. Сообщите, что смогу передать… Нет, не сегодня. И не у меня, а… минуту. *(Прихватывает трубку плечом, дотягивается до настольного календаря.)* В среду, в семь. В институте микробиологии… Да… До свидания.

Картина шестая

Обстановка первой картины. Прошло еще два дня. Утро. На сцене ***Ольга Александровна*** *одна. Входит* ***Иванов.***

Иванов. Вы меня вызывали?

Ольга Александровна. Да. Мне нужно посоветоваться с вами по одному важному вопросу. Мне трудно решить его без Сергея Александровича. Одной. Слишком велика дистанция между мной и им.

Иванов. Меньше, чем вы думаете. Вы сами не заметили, как стали за эти годы душой нашего института. Не знаю, как вы, а я, видите ли, верю, что если не у людей, так по крайней мере у учреждений существует душа. Слушаю вас.

Ольга Александровна. Сейчас. Только сначала… *(Звонит. Входит* **секретарь.***)* Пожалуйста, вызовите ко мне Саватеева.

Секретарь *выходит.*

(Иванову.) Возможно, что болезнь Сергея Александровича затянется.

Иванов. Болезнь дипломатическая?

Ольга Александровна. Вы же со вчерашнего дня знаете от меня все!

Иванов. Знаю, поэтому и спрашиваю.

Ольга Александровна. Нет, настоящая. То есть у него нет температуры и не отнялись ноги, но он не в состоянии работать. Он измучен неизвестностью. То начинает проклинать себя, то кричит на меня, что во всем виновата я… Сегодня он хотел прийти, но я почти силой не пустила его. В таком состоянии он бы только помешал нам работать. А нам сейчас после всего, что случилось, надо работать вдвое.

Иванов. Что слышно с Андреем Ильичом?

Ольга Александровна. Не знаю. Знаю только, что к месту их вынужденной посадки еще вчера послали отсюда другой самолет и по радио передали, что все здоровы. Он может быть в любую минуту.

Иванов. Вы бы послали на аэродром машину, пусть подежурит.

Ольга Александровна. Я послала еще утром.

Входит ***Саватеев.***

Здравствуйте, Семен Никитич. Что нового после шести утра?

Саватеев. Пять минут назад я говорил по телефону с Еленой Сергеевной. Температура по-прежнему сорок и две десятых.

Ольга Александровна. Мокрота?

Саватеев. Крови пока нет. *(Пауза.)* Если появится кровь и будет зафиксирована чума, я прошу разрешения для себя как для ближайшего родственника быть последние часы с больным.

Ольга Александровна. Семен Никитич!

Саватеев. Я прошу разрешения.

Ольга Александровна. Хорошо. Только я не хочу, чтобы вы перестали верить. Вы не имеете на это права. Григорий Иванович что-нибудь говорил за последние часы?

Саватеев. Все то же: что его болезнь — совпадение и что даже если что-нибудь случится, все равно метод правильный и надо, не теряя времени, начинать новые опыты.

Ольга Александровна. Вот видите, он не верит в чуму. А вы?

Саватеев. Да кто же верит в нее сам? Разве люди умирают сами? Умирает родственник, сосед, умирает Петров, Сидоров, а я еще буду жить! Так думает каждый человек. И вы с этим считаетесь?

Ольга Александровна. Я считаюсь не с этим, а с тем, что я не верю в нашу ошибку. И не смейте ходить с таким лицом по институту. Слышите?

Саватеев. Слышу. *(Выходит.)*

Ольга Александровна *(Иванову).* Я хотела договориться с вами о встрече сегодня, на весь

вечер. Мы должны ускорить работы института в связи со всем, что случилось. Я говорю о передаче Сергеем Александровичем его книги в Америку. *(Пауза.)* Я все еще верю, что нам придется говорить только об этом… Мы должны работать так, чтобы вернуть себе все украденные годы, на которые нас могут догнать американцы, держа эту книгу в руках. Я еще не знаю, что с технологией, но за эту книгу я уже несу ответственность вместе с ним. Я обижалась и спорила, вместо того чтобы помешать. Я никогда не прощу себе этого сама, и тем более вправе не простить мне этого государство. Но, так или иначе, пока я еще здесь, я обязана составить план работы на будущее, и вы должны помочь мне в этом.

Иванов. Хорошо. Когда?

Ольга Александровна. Сразу же после работы. В шесть. Здесь.

Иванов. Боюсь, что мы с вами встретим Новый год в этом кабинете.

Ольга Александровна. Разве сегодня тридцать первое?

Иванов. Да.

Ольга Александровна *(улыбнувшись).* Я отпущу вас в половине двенадцатого.

Иванов. Еще вопрос, уйду ли я.

Стук в дверь.

Ольга Александровна. Войдите.

Марья Трофимовна *(входя).* Вы меня вызывали на одиннадцать утра.

Ольга Александровна. Возьмите наш с вами годовой дневник и подсчитайте за весь год, сколько у меня было отменено лабораторных опытов из-за назначенных днем заседаний и совещаний. Составьте сводку: сколько отмен, когда и почему.

Марья Трофимовна. Все, Ольга Александровна?

Ольга Александровна. Все, Марья Трофимовна.

Мария Трофимовна *выходит.*

Иванов. Это зачем же?

Ольга Александровна. Хочу подсчитать все свои неверно истраченные часы и учесть это при составлении нового плана. Послезавтра я должна на открытом партийном собрании рассказать всему институту о том, что произошло, о том, что мы будем делать.

Иванов. Честно говоря, узнав от вас вчера, я ждал этого уже сегодня.

Ольга Александровна. Я была вчера в обкоме, и мне сказали: отложить на два дня, пока не будет известно все до конца. Чтобы не вносить лишней

тревоги в том случае, если технология все-таки никому не передана.

Иванов. То есть в этом случае вы не будете говорить о технологии?

Ольга Александровна. Нет, я буду говорить обо всем, но я всеми силами души надеюсь, что, рассказав все, завтра я смогу добавить: «Катастрофа все-таки не произошла».

Секретарь *(входя).* Ольга Александровна, звонили с аэродрома, что прибыл самолет, с ним прилетел товарищ Макеев, он уже выехал сюда.

Ольга Александровна. Хорошо.

***Секретарь** выходит.*

Через полчаса мы будем знать все.

Иванов. Так в шесть. Я пойду трудиться.

Ольга Александровна. Нет, подождите. Разве вы не видите, как я волнуюсь?

Иванов. Нет.

Ольга Александровна *(спокойно).* Ну, так я очень волнуюсь. И вы — тоже.

Иванов. Да.

Ольга Александровна. Так посидите здесь полчаса, прошу вас. *(Ходит по комнате.)* А почему я волнуюсь? Почему все вышло так, что я вот сейчас схожу с ума от волнения? Почему? Потому что он отдал эту технологию. А почему он отдал ее?

Почему он отдал книгу? Почему я молчала? Почему все это произошло? Вы можете мне сказать, почему все это произошло, все вместе взятое?

Иванов. А потому, что все это, вместе взятое, просто черт его знает, какая застарелая болезнь! Вы только вспомните, как мы иногда диссертации принимали, за что поблажки давали. За то, видите ли, что у автора три статейки в английских журналах напечатаны. Сами англичане напечатали! Высший суд! Разве не бывало так? Какое-то идиотское проклятое наследство! Я, помню, мальчишкой был, когда Горький вернулся из Америки и свой «Город Желтого Дьявола» напечатал, так кто на него накинулся? Одни американцы? Как бы не так! Больше всего свистели отечественные кадеты и либералы. Как же! Вершины цивилизации посмел облаять! Мы к ним только еще примеряемся, а он их уже облаял! Вот откуда эта дрянь осталась, если хотите знать! От расейско-немецких чиновников и от нашего подражательного капитализма, который перед старшими на задних лапках тянулся. Нет, милостивые государи в Европе и за океаном! Довольно! Довольно с нас судеб Маркони, и довольно с нас судеб Поповых! Вы привыкли загребать жар чужими руками и в политике и в науке. Отучили в

политике, отучим и в науке!

Входит ***Трубников.*** *Он давно небрит, небрежно одет, вместо галстука у него на шее повязан шарф, концы которого запрятаны под пиджак. Против обыкновения он даже не в состоянии держать себя в руках.*

Ольга Александровна. Зачем ты пришел?

Трубников. Оля, я хотел тебе сказать… *(С сомнением смотрит на Иванова.)* Ну, все равно. Дело в том, что Окунев застрелился.

Ольга Александровна. Что? Кто тебе сказал?

Трубников. Мне только что позвонил Лиснянский. Он третьего дня выехал из Москвы поездом. Я не мог сидеть дома. Я пришел.

Ольга Александровна. Почему он застрелился? Есть какие-нибудь подробности?

Трубников. Нет. Лиснянский ничего не знает. Теперь и мне начинает мерещиться во всей этой истории что-то действительно страшное. Очевидно, я в самом деле перестал что-нибудь понимать. *(Пауза.)* Почему такой человек мог застрелиться, а, Оля?

Ольга Александровна. Нет смысла гадать. Андрей Ильич прилетел.

Трубников. Прилетел?

Ольга Александровна. Да. Он уже выехал с

аэродрома. Подождем его.

Трубников *(лихорадочно).* Да, да, подождем, подождем! Подождем его! *(Поворачивает стул, боком садится на него.)* А как быть дальше, вы над этим задумывались?

Иванов. То есть как «дальше»?

Трубников. А так. Ну, предположим даже, что не произошло ничего ужасного. Но могло произойти. И все об этом знают.

Иванов. Одно уже, во всяком случае, произошло — то, что вы отдали книгу.

Трубников. Книга! Книга! Опять эта пресловутая книга! Тем более! Если вам даже это кажется ужасным, то как мне после этого работать с вами и, главное, вам со мной?

Иванов. Я говорил вам правду в глаза в ваши хорошие дни. Сказать в плохие?

Трубников. Да.

Иванов. Мне пятьдесят четыре, из них тридцать я прожил при советской власти, и если уж говорить всю правду до конца, то мне стыдно подчиняться человеку, который оказался политическим недорослем. Вам нужно стать другим человеком.

Трубников. Это что же, фраза с глазу на глаз или для общего употребления?

Иванов. Для общего употребления. Вы должны ответить за свои поступки.

Трубников. Уж не перед вами ли?

Иванов. Нет, перед народом. Вы. И мы тоже.

Ольга Александровна. Вы меньше, чем кто-нибудь. Вы всегда спорили с ним.

Иванов. Что значит спорил? Я всегда был неуживчив, но ни разу не поднялся до того, чтобы стать непримиримым. Да, Сергей Александрович, да, мы ответственны за все. Разве, честно говоря, мы все до конца поняли, что дело не в том, чтобы мы были знамениты, а в том, чтобы страна была знаменита нами? Что у нас единственным справедливым честолюбием человека может быть желание увеличить свою долю в успехах своей Родины? Разве мы сказали это громко и ясно и себе и другим?

Трубников. В мой огород?

Иванов. В ваш, но и в свой и в ее. Мы слишком хорошо всегда помнили, что мы дали стране, и слишком мало думали о том, что страна дала нам. А часто ли мы с вами, честно говоря, задумывались, что не случайно за эти тридцать лет десятки великих открытий сделаны именно в наших лабораториях, которые дали нам наш народ, наше правительство, что, может быть, эти наши

лаборатории и есть лучшие в мире, и не случайно именно в них достигнуты эти результаты? И поэтому Мюррей лезет к нам, а не мы к нему. Всё через забор глядели, а своего не видели. *(Пауза.)* Что вы молчите?

Трубников. Я думаю о том, что из вас вышел бы прекрасный директор института.

Ольга Александровна. Тебе не стыдно?

Трубников. Почти нет. *(После молчания.)* «Через забор»... *(Усмехается.)* Да, я привык смотреть через забор. Через этот забор мне видно, например, Дарвина. Что же, перед Дарвином тоже нельзя снять шляпу?

Ольга Александровна. Зачем же передергивать? Дарвин так велик, что ему нельзя достаточно низко не поклониться. Но не нужно из каждого Лансгарта и Мюррея делать себе Дарвина только потому, что они живут в Англии или в Америке.

Иванов. А кроме того, не стоит делать из них и наследников Дарвина.

Трубников. К сожалению, Дарвин родился не в Калуге и говорил не по-русски.

Иванов. Совершенно верно. И все-таки его настоящие наследники — не английские ретрограды, забывшие о Дарвине, и не американские тупицы, устраивавшие обезьяньи процессы, а

мы, хотя он не родился в Калуге и не говорил по-русски!

Трубников *(вставая).* Да, видимо, я отстал от вас.

Ольга Александровна. Ты отстал сам от себя.

Трубников. То есть?

Ольга Александровна. Сам человек отстал от себя — ученого.

Трубников. Но все-таки если не как человеку, то как ученому вы мне разрешите и дальше работать в ваших лабораториях?

Ольга Александровна. Не юродствуй! Ты не к нам придешь за отставкой, и не мы будем принимать или не принимать ее.

Трубников. Как Григорий Иванович?

Ольга Александровна. Пока без перемен.

Трубников. Я, кажется, глупо вел себя сейчас, а?

Ольга Александровна. Да.

Трубников. Прошу прощения. Я сойду с ума, если Макеев не приедет еще через четверть часа. *(Иванову.)* Вы работаете над проверкой прививок?

Иванов. Да.

Входит ***Макеев.*** *Общее молчание.*

Макеев. Здравствуйте! Здравствуйте, Федор

Федорович, рад вас видеть.

Ольга Александровна. Федор Федорович в курсе всех дел, ты можешь говорить при нем.

Макеев. А я и не собираюсь ни из чего делать тайны.

Трубников. Вы взяли рукопись у Окунева?

Макеев. Да.

Ольга Александровна. Слава богу!

Трубников. Вы привезли ее?

Макеев. Нет. Я предпочитаю не подвергать таких вещей случайностям дороги и портфеля. Я передал ее министру.

Трубников. А ты знаешь…

Макеев. Это случилось в тот день, когда я был у него. Вернее, ночью, шесть часов спустя.

Трубников. Загадочная история.

Макеев. Не особенно.

Трубников. Что же произошло?

Макеев. Очень простая вещь, которая, однако, оказалась следствием очень многих и сложных обстоятельств. Когда ты отдал рукопись Окуневу…

Трубников. Надеюсь, что моя рукопись не имеет никакого отношения…

Макеев. Не надейся. Она имеет самое прямое отношение. Когда ты передал свою рукопись

Окуневу, хотя ты считал себя правым, в тебе все-таки, хоть ты и не признавался себе в этом, шевельнулся какой-то червяк сомнения, и ты рассказал обо всем Ольге Александровне. А в ней проснулся здоровый инстинкт тревоги, и она пошла к Саватеевым. А эти люди, которые казались тебе маленькими, оказались большими. Они потребовали от тебя, чтобы ты вернул рукопись. И твоя дочь не могла спокойно уйти в изолятор, пока не заставила все это рассказать мне. И я тоже не мог отнестись к этому спокойно. И вот в результате всех наших совместных усилий в семь часов вечера в понедельник я оказался у Окунева, и он с подчеркнутой готовностью, показавшейся мне подозрительной, отдал мне экземпляр твоей рукописи. Экземпляр, который он, по его словам, и без твоей просьбы уже раздумал кому-либо передавать.

Трубников. Вот видишь!

Макеев. Вижу. Он мне не солгал. Он действительно не собирался никому передавать твой экземпляр, потому что к тому вечеру, когда я приехал, он уже успел снять с этого экземпляра копию, которую ему удобнее и безопаснее было передать, чем подлинник.

Трубников. Кому передать?

Макеев. Наивный вопрос! Передать, как говорится, «сотрудникам одного посольства». Кажется, так.

Трубников. При чем тут посольство? Он собирался передать это Джемсу Эрвину — из медицинской делегации.

Макеев. В данном случае это не составляло разницы. Короче говоря, я принял некоторые меры, которые мне подсказала наша общая тревога. Я взял на себя ответственность ошибиться, считая, что пусть лучше я ошибусь и буду в трудном положении, чем останется хоть один процент возможности катастрофы. Остальное, я думаю, понятно.

Ольга Александровна. Он не успел?

Макеев. Да, он не успел, не сумел, и это, видимо, его так огорчило, что когда к нему пришли за этой копией совсем не те, кому он собирался ее вручать, он без долгих объяснений пустил себе пулю в лоб, пока у него была еще эта возможность.

Трубников. Что же он, шпион?

Макеев. Вот именно. И не бойся выговаривать это слово — «шпион».

Ольга Александровна. У меня была, когда я его встретила, какая-то неприязнь к нему, но я бы никогда не подумала…

Макеев. Он бы не был шпионом, если бы ты, едва увидев его, могла бы это сразу подумать.

Трубников. Как все это страшно и странно…

Макеев. А что тут странного? По-твоему, нам странно иметь врагов? По-моему, было бы более странно их не иметь. Да, иногда через нашу жизнь вдруг проходит уродливая чужая тень, напоминая нам о существовании того, другого мира, и мы удивляемся. А удивляться, в сущности, нечему. Это плохое удивление, от забывчивости.

Трубников. Ну, что угодно: ну, недобросовестный человек… ну, человек, который хотел использовать мои… хотел… Но шпион…

Макеев. Перестаньте устраивать истерику! Ну да, шпион. Они существуют и от времени до времени попадаются. И нечего тут ужасаться или мечтать, чтобы их не было. А просто нужно так жить и так работать, чтобы ставить этих подлецов в тупик! Как этого Окунева. Вот и все.

Трубников. Я не понимаю сейчас только одного…

Макеев. Чего ты еще не понимаешь?

Трубников. Посольство и шпионаж… И Мюррей и Гарли… Вот это у меня не сочетается в мозгу. Мюррей и Гарли! Я привык их считать своими учителями…

Макеев. Гипноз! Проснитесь, вспомните все, что мы сделали за эти годы.

Трубников. Во всяком случае, я привык считать их настоящими учеными и, следовательно, кристально честными людьми…

Макеев. А тебе не кажется после всего происшедшего, что эти письма, написанные тебе Мюрреем и Лансгартом, письма, которым ты сам, по словам Ольги Александровны, удивлялся…

Ольга Александровна *(прерывая его).* Да, да, да. Теперь, когда я думаю обо всем, вместе взятом, мне кажется, что эти письма были провокацией.

Макеев. Вот именно, хорошо разработанной провокацией, с целью вытянуть эту технологию, которая нужна не так им, как их хозяевам.

Трубников. Это было бы чудовищно! Я хорошо знал их обоих лично. Это были люди широких идеалов и свободной воли.

Макеев. В наше время там, на Западе, свободная воля — слишком большая роскошь для ученого. Ученые там теперь делятся только на две категории: на слуг и пленников.

Трубников. Не знаю, как хотите, но что это мог сделать Гарли, я все равно не верю. И никогда не поверю!

Иванов. От Мюррея вы уже отступились?

Трубников. Мюррей — не знаю, а Гарли не мог…

Макеев. Что ж, может быть. Недаром он не написал тебе ни строчки, и в письмах передают только его заочные приветы. Может быть, в нем сохранились честь и совесть, и он не захотел участвовать в этой провокации. Не посмел помешать, но и не стал участвовать.

Трубников. Я немедля, сегодня же, демонстративно напишу туда письмо и потребую, чтобы там рассыпали набор и вернули мне мою книгу, всю до последнего оттиска.

Макеев. Это по меньшей мере наивно.

Трубников. Что? Они посмеют не вернуть мне мою книгу?

Макеев. Нет, они так же демонстративно вернут тебе ее, как ты демонстративно потребуешь, но нужное количество оттисков они оставят себе и будут делать с ними все, что им нужно.

Трубников. Ты в этом уверен?

Макеев. Как ты не понимаешь? Там же враги. Наши враги!

Трубников. Но не все же враги!

Макеев. Конечно, не все враги, и даже гораздо больше друзей, чем врагов, но там у власти враги. Понимаешь — у власти!

Трубников. Это страшно.

Макеев. Нет, это не страшно. Не страшно потому, что мы сильнее, сильнее во всем, даже вот в этом нашем открытии. Вы, ища для человечества спасения от болезней, по дороге нашли страшное оружие и прошли мимо него, потому что вы, советские люди, искали не его. А они хотели подобрать это оружие. Но если бы даже случилась чудовищная вещь, что они его подобрали, то все равно мы были бы сильней их, потому что у них было бы только оружие, а у нас и оружие и противоядие — те прививки, которые вы уже нашли. Ничто не страшно, если трезво и спокойно смотреть в будущее, и все страшно, если быть слепым. Ты хоть теперь-то видишь, как наглядно столкнулись добро и зло, два мира — их и наш — на этом открытии, какая это палка о двух концах? Вы вообразили, что гуманизм — это стоять в сторонке и всех любить? Нет! Гуманизм для ученого — это драться! Быть солдатом нашей армии в борьбе за будущее всех людей, всей науки, всей культуры против всего мрака, который надвигается на нас из той половины мира!

Ольга Александровна. Я чувствую такую страшную ответственность и за то, что произошло, и за то, что чуть не произошло.

Трубников *(резко).* Ни слова об ответственности! Здесь нет ничьей ответственности, кроме моей. И я сам, ни с кем не делясь, сумею отвечать за свои поступки. Если надо пойти под суд — я пойду под суд!

Макеев. Я уполномочен тебе передать…

Быстро входит ***Саватеев.***

Саватеев. У Григория Ивановича упала температура на одну целую и пять десятых. За один час. Слабость. И температура все падает. Падает!

Макеев. Что это значит?

Иванов. Это значит, что чума исключается. Садитесь, Семен Никитич.

Саватеев *(не садясь).* Он хочет сказать несколько слов по телефону вам, Сергей Александрович.

Ольга Александровна. А ему можно?

Саватеев. Я не говорил с ним, но там Елена Сергеевна. Она говорит, что он хочет. Сергей Александрович!

Ольга Александровна *(Трубникову).* Подойди же!

Трубников. Я не могу.

Ольга Александровна. Ну, хорошо. *(Подходит к телефону.)* Лена?.. Да, я… Да… Ну, слава Богу.

Иванов. Может быть, все-таки ему не говорить?

Ольга Александровна *(отрываясь).* Он не поднимает головы. Она сама будет держать трубку. Тише! *(В трубку.)* Да, да, Григорий Иванович… *(Отрываясь.)* Он просит поздравить всех с тем, что опыт удался. *(Трубникову.)* Первым он просит поздравить тебя.

Иванов. Поздравьте его.

Ольга Александровна *(в трубку).* Григорий Иванович, мы все поздравляем вас. Мы были уверены, что все будет хорошо… Да… *(Отрываясь.)* Он говорит, что тоже был уверен. *(В трубку.)* Да, да… *(Отрываясь, Трубникову.)* Он гордится, что в меру своих сил помогал тебе в твоей работе. *(В трубку.)* Да, Григорий Иванович, мы все вас… Что?.. Да, хорошо… *(Отрываясь.)* Это Лена. Она говорит, что ему довольно разговаривать, она больше не разрешает. *(В трубку.)* Да… *(Отрываясь.)* Она говорит, что она очень счастлива. *(В трубку.)* Мы тоже… Да… *(Отрываясь.)* Она говорит, что она его любит. *(В трубку.)* Да… *(Отрываясь.)* И что если мы хотим об этом рассказать, мы можем рассказывать хоть всему институту. *(В трубку.)* Мы все целуем тебя, Лена! Лена! *(Кладет трубку и поворачивается к Трубникову, молча и неподвижно сидевшему на протяжении всего разговора.)* Что ты молчишь?

Трубников. Я думаю.

Ольга Александровна. О чем?

Трубников. Я думаю о том, что он еще ничего не знает. *(После молчания.)* И еще я думаю, что мне пора сдать ключи в прямом *(вынимает из кармана ключи от несгораемого шкафа и кладет на стол)* и в переносном смысле этого слова. *(Ольге Александровне.)* Пока тебе… А, уж ты — тому, кого назначат.

Макеев. Подождите…

Трубников. Нечего ждать, Андрей Ильич. Я только попрошу всех вас оставить меня в покое. Здесь. Ненадолго — на час. Я хочу, прежде чем навсегда расстаться с этим домом, оставить на этом столе письменное объяснение, с чего все началось и чем кончилось.

Иванов. Чуть не кончилось.

Трубников. К этому «чуть» я не имею отношения. Это «чуть» — не моя заслуга.

Макеев. Сергей Александрович, прежде чем вы будете что-нибудь писать, я должен вам сказать…

Трубников. Что вы мне можете еще сказать?

Макеев. Очень многое.

Трубников. Не верю! Человеку, который совершил предательство…

Ольга Александровна. Сережа, ты же…

Трубников *(кричит).* Совершил! Вы не дали, но я-то совершил.

Иванов. Сергей Александрович, не нужно преувеличивать.

Трубников. Замолчите! Я спорил, пока не понял всего до конца. Но с той минуты, как я все понял, у меня хватит мужества, чтобы называть вещи своими именами. Такому человеку, как я, нужно сказать: «Вон отсюда! Уйди и больше никогда не возвращайся». Все… *(Обведя всех взглядом.)* По-моему, я уже просил оставить меня одного.

Макеев. Вы сказали все?

Трубников. Все.

Макеев. Так, может быть, теперь вы мне все-таки дадите возможность сказать те несколько слов, которые я хочу, а главное, обязан вам сказать?

Трубников. А вы не можете меня все-таки уволить от этого?

Макеев. Нет. Я уполномочен сказать вам следующее. Получив вашу рукопись, я поехал к министру.

Иванов. Здравоохранения?

Макеев. Да. Это было вечером. А ночью он уже докладывал об этом правительству. Он уехал,

оставив меня в своем кабинете, на случай, если понадоблюсь и я. В пять утра он вернулся из Кремля, сел за стол и, сидя передо мной вот так, как сидит сейчас Ольга Александровна, спросил меня: «Вы улетаете?» «Да, через час», — сказал я. «Вы увидите вечером Трубникова?» — «Да». — «На днях я вызову его сюда, но пока… Пока передайте ему, что я докладывал этот вопрос правительству и правительство обязало меня, несмотря на все, совершенное Трубниковым, сохранить Трубникова в институте. Меня обязали передать ему и разрешили передать это через вас, что правительство, несмотря на все ошибки Трубникова, верит в его честность и не сомневается в его способности искупить свою вину и довести до конца начатое им дело». Так мне сказал министр, и я по его глазам понял, кто ему сказал то, что он сказал мне.

Ольга Александровна. Сережа!

Трубников сидит молча, закрыв лицо руками.

Ты слышишь, Сережа?

Иванов. Сергей Александрович!

Трубников *(продолжает сидеть неподвижно, потом, оторвав руки от лица, встает и поворачивается к Саватееву).* Семен Никитич, у вас приготовлены препараты для восьмого цикла?

Саватеев. Да.
Трубников. Сейчас готовы?
Саватеев. Готовы.
Трубников. Тогда идемте в лабораторию.
Саватеев. Что?
Трубников. Я говорю: идемте в лабораторию.
Молча выходит. За ним ***Саватеев.***

Занавес

1948–1949 гг.